

ОДНА ДЕВОЧКА ХОДИЛА

В ПОТОМ ВСЕ ВМЕСТЕ РЕШАЛИ, КАК ОБИДЧИКАМ ОТОМСТИТЬ

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В

КЛУБ АНОНИМНЫХ МСТИТЕЛЕЙ

АЛЕКСАНДРА БАЦТ

РАССКАЗЫВАЛ, КТО ЕГО ОБИДЕЛ,

НА ГРУППОВУЮ ТЕРАПИЮ, ГДЕ КАЖДЫЙ ПО ОЧЕРЕДИ

Александра Байт
Клуб анонимных мстителей
Серия «Клуб анонимных
мстителей. Психологические
романы Александры Байт»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69444160
Клуб анонимных мстителей: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-189590-7*

Аннотация

Это место, где сбываются мечты. Это место, где сбываются кошмары. Таинственный клуб, куда допущены лишь избранные, и волей случая ты – одна из них.

Но кто же он – владелец этого клуба? У него есть все: деньги, харизма и... власть. Власть над тобой и каждым, кто пришел в этот клуб. Его синие глаза завораживают, а голос заставляет поверить, что только он сможет решить все ваши проблемы.

От таких предложений не отказываются.

Но за возможность отомстить врагам придется заплатить. Кто-то платит репутацией. Кто-то – послушанием. Кто-то – любовью, а кто-то – и жизнью. Вопрос лишь в том, чем заплатишь ты? Или... кем?

Читайте «Клуб анонимных мстителей» Александры Байт – психологический роман с элементами детектива и романтики. Автор приглашает вас заглянуть в душу искусного медиатора и вместе с героями победить в схватке не на жизнь, а на смерть.

Содержание

Пролог	9
Глава 1	15
Глава 2	37
Глава 3	60
Глава 4	89
Глава 5	115
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Александра Байт

Клуб анонимных мстителей

© Бузина А., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*** * ***

АЛЕКСАНДРА БАУТ

КЛУБ
АНОНИМНЫХ
МСТИТЕЛЕЙ

Москва
2023

Все персонажи и события являются вымышленными.

Любые совпадения с реально живущими или жившими людьми случайны.

Пролог

– Сядьте поудобнее, расслабьтесь, закройте глаза, вытяните ноги, пусть руки свободно свисают... Здесь вы – в полной безопасности, в компании единомышленников, – мерно, успокаивающе звучал голос ведущей. – Мы не осуждаем, не заставляем говорить, если вы не готовы. Впереди нас ждет длинный путь, который мы одолеем вместе...

Я послушно выполняла команды такой спокойной и понимающей психологини, но долгожданного расслабления не наступало. Даже наоборот: к клокотавшему внутри, будто в адовом котле, замесу эмоций добавлялось гаденькое циничное желание вскочить, отшвырнув стул, заорать, послать все и всех подальше – сделать хоть что-нибудь, только бы расшевелить этих несчастных терпил вокруг.

Приподняв веки, я покосилась на Аньку – подруга покорно распласталась на стуле и, зажмурившись, наверняка вспоминала по заданию ведущей постигшую ее невиданных масштабов обиду. Я хмыкнула про себя: эка невидаль, застучала своего тусклого до ноющей боли в зубах кавалера с какой-то девицей в пиццерии неподалеку от дома! Потом долго и абсолютно беззубо верещала на все заведение, рыдала и грозила «отступнику» карами небесными...

Анька, как это часто бывает, была заправским сапожником без сапог. Подруга кичилась дипломом психолога, пре-

спокойно опуская тот факт, что многие из институтских заданий – как правило, самые креативные – в свое время накидывала ей по телефону я. Осев на работе в отделе кадров какой-то конторы средней руки, она который год бредила карьерой в тренингах и таскала меня на все мало-мальски заметные душекопательные занятия. Это был тот самый случай, когда проще было подчиниться, чем объяснить, почему не пойдешь, – вцеплялась Анька мертвой хваткой.

Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что на нынешнюю групповую терапию я согласилась без обычного предубеждения. «Работаем с обидами. Выслушаем, поймем, научим справляться с острыми эмоциями. Здесь вы встретите тех, кто столкнулся с обидами похлеще вашей, – и осознаете, что у вас-то все еще не так плохо!» – последний пассаж рекламной листовки немного смягчил мой скепсис.

Увы, на тренинге царила унылая тягомотина: всхлипывавшая девушка поведала о травле в школе, потом все желающие высказали слова поддержки и пообнимались под крики «Мы вместе!». Грешна, тоже покричала, чтобы не выбиваться из компании, но зревший в душе протест грозил в любой момент вырваться наружу.

Эх, да что вы знаете об обидах, дети! Обида – не заброшенные прыщавыми юнцами на дерево кроссовки и уж точно не свидание твоего никчемного парня с блеклой, ему под стать, барышней. Все это вполне можно было пережить – и благополучно забыть. Или даже отыскать в этом скудоум-

ную мотивацию: пестовать обиду под низкосортную душещипательную песню и, размазывая по физиономии остатки макияжа, сочинять хитроумные планы мести.

Все это слишком мелко и недостойно хлесткого термина «обида». Того разъедающего тебя изнутри, будто чистая, незамутненная кислота высочайшей концентрации, ощущения, тех отчаянных рыданий, когда, кажется, вот-вот выплунешь собственное сердце, и того бессилия, от которого хочется рвать себя, как когтями. Я знаю, что это такое. Я знаю об этом все.

Обида моя тянет на солидную цифру с шестью нулями. Сколько ни уводила себя от желания посчитать, на какую сумму меня обобрали, а все-таки сдалась – и, проведя нехитрую поверхностную калькуляцию, пришла в ужас. Двенадцать соток на престижном северо-западе области, добротный дом с обстановкой – наверняка я еще поскромничала в расчетах!

Хотя плевать я хотела на деньги. Наверное, я – набитая опилками дура без «лавэ», но никогда не мерила на деньги людей и обстоятельства. Вот и в этой истории все свелось к банальному «вишневному саду»: после смерти моего бесхарактерного деда выяснилось, что дача, на которой я выросла, где знала каждый уголок, со всеми «намоленными» фотографиями, картинами и записками родных, уже год как принадлежит... дочери его бойкой второй жены!

– Закрыли глаза, закрыли, – слышался совсем рядом

мягкий, но настойчивый голос, и я вздрогнула, осознав, что на время «вылетела» из процесса расслабления. Веки опустились, давая мне возможность сосредоточиться на словах психологини. – А сейчас пусть каждый представит себя там, где ему комфортнее всего. Может быть, это пляж с белым песочком и море, или, например, дождливый весенний Париж со свежей зеленью и теплыми круассанами, или...

...или дачный поселок писателей в пятидесяти километрах от родной столицы. Красивое, но, наверное, ничем не примечательное место – за исключением того факта, что только там я и была по-настоящему счастлива. Помню, как взлетала на старых деревянных качелях, мечтая, что стану певицей... нет, следователем... а может, знаменитым журналистом с ордой поклонников. Вдали полыхало заходящее солнце, я с наслаждением подставляла лицо его слепящим ласковым лучам – и мечтала, мечтала, мечтала... Это была моя жизнь. Маленький мир самой обычной наивной девочки с косичкой, сердце которой рвалось от радости за то, что уготовано ей в будущем. Но, как водится, девочка жестоко ошибалась...

«Ленок – хозяйка! И точка. Так решил твой дед. И перестаньте с матерью названивать, мне надоели эти дразги», – не далее как позавчера отрезала по телефону «безутешная вдова» деда. Даже не знаю, что привело меня в большее бешенство: категорическое нежелание циничной ведьмы идти хоть на какой-то контакт или это простецкое, гаденькое «Ле-

НОК».

Двадцать лет назад я, еще девочка-подросток, скрепя сердце смирилась с желанием деда вновь обзавестись семьей. По современным меркам он был еще совсем не старым, да и бабушки к тому моменту несколько лет как не было на свете. Случайно познакомился в санатории с медсестрой, «разведенкой» чуть старше моей мамы, воспитывавшей дочь – мою ровесницу, как раз ту самую Лену. «Окучивает», – дружно вздыхала родня, не понимая, что именно мой вполне себе интеллигентный дед мог найти в этой хамоватой тетке.

Она была... темной. Знаете, как бывает: смотришь на человека и, какими ни были бы его глаза и волосы, какого цвета ни была бы на нем одежда, видишь кромешную тьму. Словно внутри все выжжено злобой, и душа – пепелище, на котором давно не тлеет ни уголька. Такого тронь – и будто дуновением ветра весь пепел, всю грязь вынесет наружу. Так и будешь стоять под этим мерзким зловонным градом, не в силах защититься от летящих в тебя черных комков. Можешь заходиться от бессилия, можешь пытаться что-то доказать, срывая голос и стирая до крошек зубы, – тьма будет лишь уплотняться, надвигаться неумолимой тучей, поглощая без остатка... И ты тоже станешь темным, только от горя и унижения. Научись провозглашать пустые речи о том, что «справедливость еще восторжествует», станешь часто «дремать» в метро, чтобы никто не видел за закрытыми веками слезы,

а они будут жечь глаза, и внутри у тебя навеки поселятся безнадега и тьма...

– Нет!!! – вырвал меня из оцепенения чей-то голос, и, резко встряхнувшись, я в ужасе поняла, что кричала сама. Глаза распахнулись, и меня встретили с десятков ошарашенных взглядов. Все вокруг окутало густой тишиной. Мне не было стыдно, о нет! От вида покорных, несчастных, искренне взволнованных товарищей по терапии впору было зайтись в ярости. Зачем они сидят здесь, возвращая в себе обиды и находя какую-то особую, извращенную эйфорию в ничтожном самокопании? Зачем им это нелепое упоение от роли несправедливо униженных, глупое самопожертвование, ничемное смирение? И главное, зачем все это МНЕ?..

Вскочив на ноги и резко отбросив стул, я в бешенстве полетела к дверям, бессвязно рыча что-то о ничтожествах, которые всю жизнь только и делают, что сносят пинки да скулят. Судя по бессвязным окликам и цокоту каблучков за спиной, Анька припустила следом в надежде меня образумить. Нет, нет и еще раз нет! Я не смирюсь. Я не стану жертвой. Никогда!

Глава 1

– Ну как ты, воительница? – насмешливо бросила Анька, переступив порог моей квартиры. – Всю жизнь была «танком в березках» – и отрадно, что хотя бы это с годами не меняется! Ведущая тренинга жаловалась, что тебе удалось посеять сомнения в рядах этих бедняг, ее подопечных. Сама эффективность метода оказалась под вопросом, о как! В харизме тебе не откажешь. С нами не просто отказались работать – твоими стараниями мы теперь точно не попадем ни на одно подобное мероприятие, «рекламку» нам обеспечат по высшему разряду!

Вздыхнув, я уныло поплелась на кухню делать чай, жестом пригласив Аньку следовать за мной. Прошедшая с момента памятной истерики неделя основательно охладила мой пыл. Сначала мне было стыдно – даже не того, что сорвалась на этих бедняг, утратила остатки терпения, а с ними – и все нормы приличия. Главное, я «потеряла лицо», показала, как сильно переживаю, и от этого мое унижение от ситуации с дачей стало еще более явственным.

Стыд и в который раз оскорбленное достоинство грызли меня изнутри все эти дни, вполне ожидаемо заставив снова съехать на ярость. Глуша мерзкое чувство провала, накатывавшее обычно к вечеру, когда отступала привычная будничная суэта, я на все лады поносила деда, его «черную вдову»,

ее хамку-дочь, добрую недалекую психологиню и всех этих несчастных глупцов с тренинга по борьбе с обидами. А потом все самые красочные эпитеты вдруг иссякли – и в душе осталась зиять пустота, эта уже знакомая темная дыра, выжженная ненавистью.

Мерный стрекот Аньки заставил меня очнуться от неутешительных мыслей. Пока я метала на стол чашки и конфетки, подруга вдохновенно говорила о чем-то... Да о чем же? Ох, пора мне, видимо, и правда забыть оскорбление как страшный сон, а с ним – и эту окаянную дачу со всем скопищем обиженной родни и горой псевдоценной фамильной макулатуры. Иначе скоро я совсем потеряю навыки коммуникации и начну распугивать людей одним своим грозным видом царевны Софьи с картины Репина.

– ...это был главный ресурс, на это ты опиралась в жизни, – вещал между тем мой доморощенный психолог. – Ты придумала себе легенду, сказку о легионе родни, готовой горой постоять за тебя даже с того света. Жила в этой иллюзии долгие годы. И тут эта сказка – вжик-х-х!!! – и рухнула. Один ресурс сменился другим, теперь твоя главная движущая сила – ненависть. Но силенок превратить это в настоящий стимул для развития, увы, нет. Ты топчешься на месте, заходишься в бессилии. Смирись уже тогда, или...

– И ты туда же! Подвешивай мозги своим дурикам на работе, Фрейд, они с готовностью схавают этот протухший продукт! Вас специально, что ли, учат толкать этот нудеж

про ресурсы и прочую фигню? Да пойми ты, психолог – это не тот, кто насобачился орудовать умными словами! Нужно видеть человека насквозь, влезать в его шкуру, смотреть на мир его глазами! Чувствовать его настолько, чтобы прицельно бить словами в десятку, на интуиции, на проникновении. Психолог – тот, кто способен «ходить в чужих ботинках»... – Разогнавшись, я осеклась на полуслове, заметив, что Анька каменной глыбой застыла на месте.

Ого, оказывается, не все эпитеты у меня иссякли, и оскорблять я по-прежнему умею! И ведь сама ударила прицельно, по больному месту, упрекнув в нетонкости и по большому счету в профнепригодности. Потому что глубокая, сотканная из сомнений и полутонов психология и моя старательная, рациональная подруга обитали будто на разных планетах. Глядя на Аньку, утонувшую взглядом в чашке с чаем, чтобы не заплакать, я уже на чем свет стоит поносила свою дурацкую прямолинейность и желала – в который раз за последнее время – провалиться куда-нибудь поглубже, в преисподнюю.

– Ань, ну прости. – Я сорвалась с места и приобняла своего горе-психолога за плечи, покачиваясь с ней из стороны в сторону. – Я очень тебя люблю, ценю твое желание помочь и, кстати, твои советы как специалиста. Дело не в тебе, а в моей безнадежной ситуации. Ни характера, ни нервов. Да, я не могу с этим справиться. Но... не надо меня «лечить». Это бесполезно, сама понимаешь. Должно пройти время...

Я еще долго говорила, умасливая ее и заглаживая вину за очередной срыв. Отходчивая подруга мягко погладила меня по руке, но все равно продолжала всхлипывать. Мы дружили с первого класса, и я точно знала, что после редких ссор нужно вовремя переключить ее внимание на что-то злободневное – и любопытная Анька тут же отгадывает, забыв все претензии. Как назло, ничего путного в голову не приходило. Ресурсы, дача, обиды, тренинги, смирение... Да вот же!

– «Или»! – провозгласила я, встряхивая Аньку за плечи. Сейчас мы снова пробудим к жизни психолога, покажем, как важны ее советы. Покривить душой ради дружбы – не грех. – «Или»! Ты только что сказала: «Смирись, или...» Что «или»? Что ты имела в виду?

Анька мгновенно преобразилась. Слезы на простодушном лице разом высохли, зеленовато-рыжие глаза распахнулись, а из круглого розового рта вылетело, тут же повиснув в воздухе и обретая чуть ли не материально ощутимую значимость, одно слово:

– Клуб.

* * *

Минут пять мы, склонившись над столом, изучали Анькины малоинформативные каракули на обратной стороне основательно пожеванного чека.

– Извини, записала на первом, что подвернулось под ру-

ку, – беспечно бросила подруга в ответ на мое красноречивое раздраженное молчание. – Момент удачный подвернулся, нужно было спешить. Позвонила клиентка с прошлой работы, да ты ее знаешь по моим байкам... Жизель.

Я понимающе кивнула. Прекрасно помнила эту тетку не первой молодости, какую-то обеспеченную бухгалтершу, главным хобби которой были походы по разного рода ловцам и лекарям душ. Тетку отличала изобретательность по части выдумывания проблем, а свое негласное прозвище в наших сплетнях она получила за привычку суетливо метаться по жизни и напрочь утраченный в какой-то момент этих метаний здравый смысл.

После института Анька успела поработать в психологической консультации – там-то и познакомилась с Жизелью, пришедшей снять непосильный груз: переживаний – с души и лишней наличности – с кошелька. Удивительно, но клиентка прикипела к моей подруге, совсем, кажется, не предназначенной для своей профессии, и периодически звонила даже по окончании их психотерапевтических бесед.

– Обрушилась на меня, причем с таким нахрапом, словно трясло всю, – продолжала живописать Анька, отбросив остатки этики. – Она на работе все воюет, уж и представить не берусь, что там за гадюшник, но сама посудите: важные бумаги украли и под статью чуть не подвели – раз, с отпуском «прокатали» – два, теперь перед начальством полной дурой выставили – три. Короче, вся такая несправедливо обижен-

ная... Да-да, твоя тема!

Видимо, я совсем разучилась контролировать себя, раз при слове «несправедливо» мое лицо изменилось – да так, что его выражение верно считала не самая тонкокожая Анька. Я по-прежнему не понимала, куда она клонит, но очередная затея с тренингами – а, судя по всему, «клуб» представлял как раз обычное собрание нытиков и неудачников, – мягко говоря, не вдохновляла.

– Я уже привыкла к ее жалобам, а тут, представь себе, звонит вся такая взбудораженная, окрыленная! Говорит, посоветовали ей нечто такое, где точно поймут и, главное, научат мыслить иначе. – Анька, до сего момента жарко тараторившая, вдруг резко остановилась, замерла, преисполненная таинственности, и театрально вскинула палец. – Это клуб. И не простой, а закрытый. Удивительно, но не самый дорогой. Для тех, кого несправедливо оболгали, оскорбили, обобрали. Попасть туда не так-то просто, только по рекомендации одного из его членов и после тщательной проверки. Информации в Сети почти нет, а если и попадают крупницы, все тут же подчищается. Нет-нет, ничего незаконного, просто... Ты совершенно права насчет всех этих тренингов. Полная ерунда. А там – максимальная откровенность, настоящее единство, действенная помощь. И, по слухам, какой-то нереально фееричный лидер.

Только этого мне и не хватало для полного счастья! Не сумев сдержать пренебрежительный свист, я схватилась за го-

лову. Отличная идея – на четвертом десятке разыгрывать из себя участников тайного общества, да еще и по наводкам полубезумной тетки! Окунуться в толпу фанатиков, а потом, как водится, отписать имущество какому-то «лидеру», явно шарлатану. И, главное, позволить переформатировать себе мозги – по доброй воле! Ну не чушь?

В нашей с Анькой дружбе было немало противоречивого. Начать хотя бы с этих ее психологических потуг: получив нужное образование, она так и не смогла стать настоящим профи в любимом деле, я же, наоборот, – никогда не стремилась залезть людям в душу, но, кажется, мне это неплохо удавалось.

Подобное противоречие отмечало и наши образы жизни. Анька, так и грезившая авантюрами, существовала вполне себе заурядно и благонаравно. Я же, мечтавшая о стабильности, не самая легкая на подъем, предпочитавшая созерцательность активности, вечно вляпывалась в какие-то истории. «Приключения» находили меня с незавидной регулярностью: новый знакомый с перспективой на долгие отношения оказывался изобретательным извращенцем, на мои резюме откликались исключительно мошенники всех мастей, а под моей дверью вечно околачивались сотрудники липового пенсионного фонда, сектанты и прочие коммивояжеры. Словом, «развлечений», мелких и не очень, хватало.

Вот и теперь, похоже, меня ждала очередная порция неприятностей. Впрочем, с недавних пор, так и не сумев сла-

дить с постигшей меня обидой, я стала все чаще задумываться о своей жизни. Может быть, именно страусиная политика и определяла все мои неудачи? В конце концов, мне уже надоело опасаться всего и вся в попытках избежать «острых углов» жизни. И не выплескиваю ли я, как говорится, с водой ребенка, не отбрасываю ли шансы изменить все к лучшему, наладить работу и личную жизнь...

– ...не какой-то там заштатный тренинг с дамочками, выдумывающими себе от скуки проблемы, а сообщество успешных, мыслящих людей. Контингент там – закачаешься! – словно подслушав мои мысли, пылко молола языком Анька. – Сейчас там набирают новую группу. Кто знает, вдруг найдем себе достойных мужчин? Да и лишние связи не помешают, сама вечно ноешь, что работу пора менять... Не говоря уже о том, что с твоей проблемой помогут! Ну же, соглашайся, надоело киснуть в этом болоте!

И я сдалась. Не из-за уговоров подруги, хотя они были вполне убедительными. Просто в этот самый момент, на этой самой кухне, сидя с чашкой остывшего чая, я вдруг ясно осознала: дальше так продолжаться не может. Слезы, одиночество, неустроенность, неприятности, бессонные ночи... Надоело! В душе шевельнулось долгожданное – и такое, увы, редкое – предчувствие. Интуитивное обещание скорых перемен, и отнюдь не к худшему. Того, что наконец-то ослабит терзавшую мою душу боль – и поможет справиться с ее поистине ужасными последствиями. Того, что в прямом смыс-

ле слова оттащит меня от края.

* * *

– Привет, – бодро поздоровалась пышная ухоженная блондинка бальзаковского возраста, втиснутая в твидовый клетчатый костюм известного бренда. В наманикюренных пальцах-сосисках она сжимала сумку с не менее известным монограммным узором. Судя по исходившему от дамы ореолу финансового благополучия, ее экипировка была самой что ни на есть настоящей. Женщина суетливо дернулась, приобняв меня, и представилась:

– Марина.

– Юрьевна, – машинально добавила Анька, тут же осекшись под грозным взглядом приятельницы. Жизель находилась в том опасно-неопределенном возрасте, когда женщину одинаково обижают не уступивший ей место в метро юнец и «возрастное» обращение по отчеству. Хотя одета она была довольно легко для середины марта – значит, ни о каком общественном транспорте речь не шла и где-то неподалеку пряталась ее машина.

Клацая лакированными когтями по экрану телефона, Жизель долго изучала карту навигатора. Потом, несколько раз все перепроверив, недоуменно пожала плечами и махнула в сторону самой обычной бело-синей многоэтажки:

– Ничего не понимаю... Адрес я записывала тщательно,

здесь должен быть клуб. Но это ведь жилой дом! Ерунда какая-то...

Покачнувшись на неудобных каблуках, я лишь хмыкнула. Разве долгие годы дружбы не научили меня откидывать любые Анькины инициативы мгновенно, не дожидаясь разочарования и раздражения? Растрезвонила про этот свой «клуб для избранных»! Еще утром, узнав, что едем мы в обычный спальный район, я уловила шевельнувшееся в груди сомнение. Но тут же от него отмахнулась, решив, что это какая-то хитрая маскировка. Нет, вы только вдумайтесь в это – «маскировка»!!! Чего-чего, а дури в моей голове всегда хватало с избытком.

Досаднее всего было то, что я битых три часа собиралась, надев, как водится, все лучшее сразу. Сначала с благоговейным трепетом встала на весы и обнаружила, что за время стресса «наела» пару лишних кило. Потом все же втиснулась в черное платье-футляр, купленное в свое время под верещание неумной подруги о моих мега-супер-пупер «итальянских» формах. Накинула черное же пальто – я любила этот цвет, а сейчас особенно захотелось в него «спрятаться». Образ довершили туфли с застежкой на лодыжке – дорожные, не по сезону легкие и страшно неудобные.

Ощущая себя перетянутым слоном на копытах, я окинула взором Аньку – и мне сразу полегчало. Видимо, подругой двигали те же побуждения: элита! мужчины! харизматичный лидер! – потому что и на ней красовался весь самый доро-

гущий ее «шмот». Раздражение так и подтачивало изнутри, но нельзя было не признать, что смотрелось наше трио, что называется, дорого. Глупо, но дорого.

Изрыгая себе под нос проклятия, я смиренно похромила вслед за товарками к заштатному многоэтажному «улюю». У подъезда Жизель небрежно перебросилась с кем-то парой фраз по телефону, постучала по кнопкам домофона и потянула толстую железную дверь.

У лифта нас уже встречали.

– Мила, – приветливо склонила голову набок хрупкая белокурая девушка, и я сразу подумала о том, как же ей идет это имя.

Невысокая, с легкими тонкими завитушками волос, точеными чертами лица, прозрачной, с голубыми прожилками, кожей и серыми глазами с бездонными зрачками, она напоминала изящную статуэтку. От нее исходили кротость и... какая-то мука, словно такому миниатюрному нежному созданию было безгранично тяжело влачить на себе груз существования в этом неотесанном мире. Жизнь научила меня не доверять милым тихоням, но эта девушка сразу расположилась к себе.

Интерьер квартиры удачно перекликался с «экстерьером» ее хозяйки. Мне доводилось бывать в домах подобной планировки, но это помещение, больше напоминавшее офис, не шло ни в какое сравнение с виденным прежде. Все было светлым, белым до рези в глазах, а в сочетании с обилием

хрупкого стекла и изящных хромированных деталей создавало впечатление операционной.

Если здесь и препарировали гостей, то только психологически. Мила рассадила нас за большим столом со стеклянной же поверхностью и, вежливо сообщив, что перед первым занятием в клубе нам необходимо заполнить ряд тестов, раздала по стопке бумажек. Пока хозяйка хлопотала над угощением, мы взялись за дело.

Вначале шла короткая анкета с общими сведениями. Имя, дата рождения, образование, профессия, хобби... Подкупало, что, вопреки моим ожиданиям, никто не требовал точных данных вроде фамилии и места работы, да и графы можно было оставить незаполненными – пресловутые звездочки стояли лишь над строчками с именем и предложением указать предпочтительный способ связи. Я вписала электронный адрес.

Потом шел довольно длинный, но легкий тест – как я поняла, на психологическое состояние. Несколько десятков вопросов о настроении и самочувствии, сне и аппетите. Я покосилась на Аньку, и подруга, перехватив немой вопрос в моем взгляде, уверенно кивнула: да, такой тест действительно существует, серьезный и профессиональный, можно заполнять.

После еще одного похожего опросника, гораздо короче, следовал листок с нарисованным кругом, разделенным на восемь секторов. Требовалось представить себя в цен-

тре круга, а в «дольки» вписать людей, пришедших в голову, и указать, насколько близко ты готов подпустить их к себе. Отметив ближе к середине родителей и Аньку, я крепко задумалась – и остановилась. Актуального спутника жизни у меня не наблюдалось, а лишний раз вспоминать о родственных перипетиях, учитывая крушение любимой семейной легенды, не хотелось. Значит, в оставшихся секторах будут прочерки – вполне красноречиво.

Наконец, остался один разлинованный листочек со сформулированной в самых изысканных выражениях просьбой написать, чего именно я жду от занятий в клубе. Вежливость в сочетании с небанальной подачей всегда меня подкупала, и я не поскупилась на слова. Не менее художественно и, главное, абсолютно искренне изложила, что жду проработки своей проблемы, ищу способ справиться с обидой, надеюсь обрести понимание... Хотя, положив руку на сердце, это была лишь половина правды. Ладно, две третьих правды. Частичка меня по-прежнему заходила в беззубой ярости, стоило вспомнить об унижении. И хотела лишь одного: справедливого возмездия.

– Большое спасибо, – полился мелодичный голос Милы, стоило мне и остальным отложить ручки.

Я подняла взгляд и увидела нашу милую – ну куда тут без тавтологии! – хозяйку, которая сидела напротив за уже уставленным чашками и невесть откуда взявшимися изысканными пирожными столом, чинно сложив тонкие ручки

и с улыбкой глядя на нас.

– Далеко не всем хватает терпения заполнить тесты, а ведь они так полезны! На их основе мы сможем выработать индивидуальные рекомендации по работе с каждой из вас. Правда, это еще не все методики...

– А этот ваш хваленый лидер, он что, материалы для диссертации с нашей помощью собирает? – с насмешкой вырвалось у меня. Нет-нет, я не имела ничего против, просто привыкла с самого начала понимать, на что подписываюсь. И раз уж какой-то умник намерен использовать меня в качестве подопытной крыски, пусть отработает мою бескорыстную помощь как следует!

– Диссертацию? Вы правы. Уже докторскую, – отозвалась Мила так просто и доброжелательно, что я мгновенно устыдилась, будто ненароком обидела ребенка. – У вас верный ход мыслей. У нашего руководителя – если позволите, я бы использовала именно термин «руководитель» – психологическое образование, он успешно защитил кандидатскую. И это не единственное его достижение. И образование – тоже не единственное.

И Мила пустилась в пространные объяснения о том, что любой деятельностью нужно заниматься профессионально, и это выгодно отличает клуб от остальных псевдо-психологических заведений подобного рода, где каждый может объявить себя специалистом. Знакомая тема заставила Аньку оживиться, и подруга, напустив на себя важный вид, еще

долго обсуждала с Милой достоинства и недостатки проективных тестов, какие-то нейронные сети и прочие ганглии...

Даже не стараясь вникнуть в смысл заумной беседы, я снова осторожно скользнула взглядом по гостиной. Первое впечатление подтвердилось: квартира явно представляла собой подобие офиса. Нигде – ни на стенах, ни на мебели, ни на других предметах обстановки – не наблюдалось указаний на личность или увлечения хозяйки. Впрочем, почему я так уверилась, что квартира принадлежала именно Миле? С тем же успехом здесь мог обретаться кто угодно – как и не обретаться вообще.

– Все это, конечно, очень интересно, но... Не поясните ли, что будет дальше? – не выдержала долгих разговоров Жизель. – Мы прошли первую ступень «посвящения»? Достойны круга избранных? Когда же нам завяжут глаза и окольным путем отвезут в этот таинственный клуб?

Ого, а тетка-то с юмором! И не дура. Просто беспокойная. Я бросила на Жизель благодарный взгляд – эта психологическая канитель явно затянулась, а мы так и не узнали ничего конкретного. Где обещанные единомышленники, откровенные беседы, небанальные ходы, солнцеподобный лидер? И вдруг я поймала себя на мысли: сейчас, когда унижение неотвязно следовало за мной по пятам, когда жизнь превратилась в одно тщетное мучительное самокопание, когда любой намек на поддержку оборачивался фарсом, мне почему-то остро захотелось, чтобы мои ожидания нако-

нец-то оправдались. Чтобы меня поняли. Пожалели. Погладили по головке. Чтобы мне помогли.

И опять я ощутила это смутное, но вполне осязаемое предчувствие скорых перемен. Возможно, нечто подобное рано или поздно испытывают все – ты словно ловишь невидимую волну, которая подхватывает тебя и стремительно несет вперед. И эта пассивная роль «пассажира», сулившая очередные приключения и жизненные штормы, странным образом совсем меня не пугала. Наверное, потому, что жизнь наконец-то обещала сдвинуться с мертвой точки. Как угодно, с кем угодно, но – вперед!

– Мы и правда слишком увлеклись, простите, – с виноватой улыбкой спохватилась Мила. – На обработку тестов уйдет несколько дней, после чего мы свяжемся с вами по указанным в анкете координатам. Дадим вам адрес клуба, вы посетите пробное занятие – приглядимся друг к другу. Хотя уже сейчас могу сказать, что это – лишь формальность.

* * *

Через три дня наша нелепо расфуфыренная троица стояла перед железными воротами, скрывавшими территорию клуба. Вопреки ожиданиям, глаза нам никто не завязывал, об особой конспирации не извещал, на смене внешности не настаивал – Мила лишь указала адрес и время встречи. Искорка любопытства еще тлела внутри, но, похоже, на сей

раз привычка невольно ввязываться в приключения меня покинула. Вот закон подлости – именно в тот момент, когда я почти поймала желанную волну перемен!

Клуб располагался в самом центре города. Мы уверенно свернули по нужному адресу и... будто потерялись во времени и пространстве. Три современных, не лишенных рациональности и цинизма человека вдруг оказались в другом измерении. Между современных бизнес-центров и отремонтированных особнячков втискивался крошечный переулок. Полуразвалившиеся постройки, затянутые зеленой сеткой, но еще сохранившие следы былой красоты, причудливые граффити на стенах, по-весеннему свежее небо, не расчерченное привычными нитками кабелей...

– Уходящая натура. Атмосферненько, – первой вышла из ступора Анька и, томно закатывая глаза, принялась «пилить» селфи на фоне останков престарелого урбанизма.

Я же потрясенно оглядывалась, не в силах поверить, что в самом сердце крупнейшего мегаполиса еще сохранились такие уголки. И видимо, ненадолго, в этом подруга права – слишком лакомый клочок земли.

Нужный дом нашелся не без труда. Похоже, романтический флер старины совсем задурил нам головы, раз здание клуба мы отыскали, лишь раза три основательно прочесав переулок. Точнее, самого здания мы так и не увидели. Проржавевший забор, на котором красовался старый полукруглый указатель с номером дома, обвивали ветки дикого виногра-

да. Сейчас, в самом начале весны, на них еще не проклюнулись почки. Мне подумалось, что совсем скоро забор скроется за крупными пальчатыми листьями, и найти это местечко станет практически невозможно.

– Ух ты... По-моему, тут давно не ступала нога человека, – хихикнула Анька и, придирчиво оглядев композицию из веток, приготовилась запечатлеть на камеру телефона оригинальный городской пейзаж. Ее порыв прервало еле слышное жужжание, и мы заметили между спутанными ветками зоркий глаз небольшой камеры. Металлическое око повернулось и нацелилось прямо на нас. В следующую секунду железные ворота неслышно – без малейшего лязга, который обязан был сопровождать всю эту древность, – раздвинулись, впуская нашу маленькую компанию во двор.

Забыв о несостоявшейся фотосессии, Анька застыла на месте, глядя на благородный серый особнячок в два этажа. Явно старый, но аккуратный и ухоженный дом напоминал изящную старинную шкатулку, спрятанную среди деревьев и кустов. Здесь было так комфортно и покойно, что мне вдруг захотелось стать частью этого места. Бывать тут хотя бы иногда. И плевать, что меня, похоже, ждет очередная тягомотина с потугами на психотренинг, кучка закомплексованных дуралеев и батарея тестов от неизвестного умника!

– Рада вас видеть! Наверное, пришлось поплутать? Даже бывалые члены клуба до сих пор не могут запомнить дорогу, – полетела к нам со ступенек Мила.

Она дружески приобняла нас, и я ощутила исходившую от ее миниатюрного тельца нервозность. Выглядела девушка по-прежнему приветливо, но в широко распахнутых глазах застыло всполошенное выражение – нечто подобное в книгах принято называть «как у испуганной лани». Неужели ее так взволновали Анькины фотопотуги?

Хмыкнув про себя, я поспешила войти – и тут клуб, о котором я еще толком ничего не знала, удивил меня второй раз. После мини-экскурсии по переулку, где прошлое, казалось, замерло навеки, я рассчитывала окунуться в ту же атмосферу старины: скрипучий паркет, раскидистые комнатные растения в больших кадках, тяжелые подсвечники, пыльные портьеры... Но внутри – по крайней мере, в холле – царила современная практичность.

– Подождите, пожалуйста, – мягко, но решительно остановила нас на пороге Мила. И, немного помявшись, кивнула на ящичек стоявшего перед дверью стильного лаконичного комода. – Телефоны нужно оставить здесь. Надеемся на понимание: наш руководитель работает по авторской методике, уже не раз доказавшей свою эффективность, и ему хотелось бы избежать случайных утечек информации. Только не подумайте, что мы не доверяем клиентам! Просто вам захочется, например, сделать селфи, а на фото случайно попадет часть теста или, того хуже, лицо одного из участников программы, а у нас все анонимно. Не волнуйтесь, ваши вещи будут в целости и сохранности!

Достаточно было еле заметного кивка Милы, чтобы у комода тут же вырос дюжий молодец с непроницаемо тупым выражением лица. Он каменной глыбой встал на пост охраны, устремив невидящий взор в стенку. С одной стороны, доводы Милы звучали убедительно, да и вряд ли кто-то позарился бы на мой «супергаджет», выпущенный лет пять назад. Но, с другой... я всеми фибрами души ненавидела любые намеки на ограничение свободы. Если подобные «правила» начинаются буквально с порога, что же будет дальше? Нет, даже узнавать это не желаю!

Мои спутницы растерянно затоптались на месте, явно готовые уступить. Ах так? Раскол в наших рядах? Ну и ладно, пусть остаются, если их ничего не смущает! Презрительно фыркнув, я резко развернулась к выходу, горя желанием убраться отсюда поскорее и навсегда забыть обо всей этой псевдопсихологической чепухе! И... будто выросла в пол.

На меня смотрели огромные миндалевидные глаза. Глубокого синего цвета – хотя нет, такое определение было недостойно скупым для столь потрясающего ультрамаринового оттенка. Эти глаза интриговали, пригвождали к месту, лишая возможности двигаться и сколько-нибудь связно сообщать. Было в этом зрелище что-то... странное, не совсем мне привычное. Глаза, несомненно, принадлежали мужчине. И я могла пялиться на них сколько угодно, не боясь показаться неделикатной. Потому что смотрели эти глаза с огромного плаката.

– Твой клиент, – хихикнула рядом Анька.

Я оглянулась: подруга и Жизель тоже с любопытством разглядывали дивное фото. Громадный охранник по-прежнему стоял по стойке смирно, а вот Мила взирала на нашу мизансцену с плохо скрываемым неодобрением и... неужели страхом? Что же так не понравилось обычно приветливой барышне? Ее явно насторожил наш неподдельный интерес, хотя каких-то пять минут назад она сама в который раз восхищалась своим боссом – а в том, что глаза принадлежали именно ему, я почему-то не сомневалась.

На какое-то мгновение все пространство холла окутало атмосферой тайны. Это ощущение почти тут же испарилось, но я успела уловить явственно висевшие в воздухе вопросы. Слишком много вопросов. Во мне вдруг проснулся задавленный годами работы в низкосортном пиаре журналист – алчный до свежих фактов, жаждущий разворошить этот муравейник! Неугомонная интуиция подсказывала, что меня снова угораздило вляпаться в какую-то историю, – и на сей раз это странным образом воодушевляло.

Положа руку на сердце, при взгляде на плакат у меня появился еще один повод временно пожертвовать телефоном. Этот бестактный смешок подруги... Словом, Анька была права. Я всегда питала слабость к синеглазым мужчинам. «Комплекс Электры, – со вздохом объявляла моя “психологиня” всякий раз, когда я оживлялась при виде очередного обладателя таких глаз. – Тебе нравятся мужчины, похо-

жие на отца». Я раздраженно отмахивалась, но возразить не могла: у моего папы действительно были глаза того же цвета, правда, основательно поблекшие от проблем и прожитых лет.

Так или иначе, но мое последнее синеглазое увлечение закончилось разочарованием, и теперь меня так и тянуло познакомиться с героем плаката. Даже если все остальные части его анатомии были не столь впечатляющими.

– Я остаюсь.

При моих словах Анька грубо прыснула, а Жизель одобритительно кивнула. Мы покорно сдали телефоны халкообразному охраннику и поспешили вслед за Милой вглубь особняка. Все мои мысли сосредоточились на обладателе необычных глаз. Наверняка и сам мужчина был как минимум небанальным. А еще мне почему-то казалось, что именно эти глаза следили за нами через камеру у ворот.

Глава 2

«Не глупи, собирайся скорее! Я тебя жду», – в который раз настойчиво пискнул мессенджер. Анька. Я вздохнула – снова та самая ситуация, когда проще смириться и согласиться, чем объяснить, почему не пойдешь. А идти совсем не хотелось.

На сегодня было намечено очередное собрание клуба. Мы успели посетить уже две встречи – и разочарованию моему не было предела. Пресловутый руководитель – обладатель фантастических глаз и лекарь душ с десятком дипломов – так и не появился. Дружелюбно улыбаясь, Мила провожала нас в небольшой уютный зал, где мы и еще с десятков таких же жаждущих понимания попивали чаек, внимая ее речам о том, как губительны для личности обиды, как важно грамотно с ними работать...

Мне было откровенно скучно. Нет-нет, возможно, в другой ситуации я с любопытством послушала бы все эти рассказы об униженных и оскорбленных. Но чем-то подобным меня уже «потчевали» на многочисленных Анькиных тренингах. Сейчас мне требовалась эффективная и быстрая помощь – единомышленников, психолога, да кого угодно, лишь бы перестать глотать пачками успокоительное и заходиться в бессильной злобе при любом упоминании о семейной ситуации. Утром, просыпаясь от звона будильника по-

сле короткого нервного сна, я с трудом разлепляла глаза – и тут же резко вскакивала, вспоминая о постигшем меня ужасе. А ночью, вымотанная тяжкими мыслями, ворочалась из стороны в сторону, представляя, как хозяйничают в моем – моем, кровном! – доме чужие темные люди.

«Хоть бы фотографии отдали, все ведь на помойке будет», – сокрушалась моя теперь уже навек, казалось, погруженная в печаль мама. Сердце разрывалось при виде ее слез, и я, отказавшись от съемной квартиры и самостоятельной жизни, вернулась к родителям. Теперь каждая из нас переживала двойную порцию печали, но мы хотя бы могли плакать и обсуждать наше унижение. Папа и вовсе погрузился в себя, вмиг состарившись и согнувшись под гнетом свалившейся обиды. Он все чаще молчал, уставившись невидящим взглядом перед собой, и в такие моменты у мамы язык не поворачивался произносить сакраментальное: «Я ведь предупреждала!»

А предупреждала мама о многом. Например, умоляла не устраивать на работу никчемную дочь Черной Вдовы, эту необразованную, амебоподобную, неблагодарную девицу. Но куда там! «Своим надо помогать», – торжественно изрек папа – и битых два года из собственного кармана платил бездушной наглой лентяйке. Ее мамаша, к слову, излишней тусклостью не страдала: сколько раз она, разинув то, что в просторечии именуется хайлом, «по-свойски» обрушивала на нас поток панибратских прозвищ, бестактных вопросов,

нелепых обвинений...

– Леночка моя – молодец, крошки лишней не съест. Стройная, как статуэтка, не то что твоя, – случилось, бросала Черная Вдова моей маме за праздничным столом. – Отец твой рассказывал, как она брала белый хлеб, клала на ржаной – и могла за раз несколько таких бутербродов умять.

Дед, затюканный и уже немощный, только хлопал интеллигентными глазками, не в силах возражать. Да и что мог он, больной, попавший в зависимость от хамоватой тетки! Но от того, что слова «родственницы» были лишь плодом ее взбудораженного перспективой скорой наживы воображения, легче не становилось. Я с трудом подавляла закипающую внутри ярость, а мама чуть не плакала. И мы терпели – ради деда, прежде всего. Терпели годами...

Поток невеселых мыслей снова прервал писк телефона. «Готова? Давай-давай, пошевеливайся, а то Марина нас в ключья разорвет!»

Интересно, как я, по Анькиному разумению, должна была собираться, если она все время отвлекала меня своими глупостями?

В намерениях Марины я даже не сомневалась. Кто-кто, а она внимала речам Милы с усердием первоклассницы, даже записывала особенно удачные пассажи в блокнот с тем же узнаваемым монограммным узором, что и на ее сумке. Иногда я думала: может быть, нашей Жизели вполне хватает этого регулярного безобидного общения? Перекинуться с кем-

то парой слов, побыть в обществе дружелюбно настроенных людей, да просто знать, что сегодня в семь вечера тебя будут ждать у переулка две приятельницы, – и достаточно для обеспеченной, но одинокой и явно скучающей тетки.

Меня же, пиарщика со стажем, трудно было удивить умными речами и красивыми презентациями. Посмотрела я пару картинок с плачущими детишками и орущими агрессорами – и что с того, как это помогло лично мне? Теряя нить рассуждений Милы, я нет-нет да и скользила взглядом по собравшимся. Совсем молоденькая девушка-тростинка, парень с выбритыми по-модному висками, дородная бой-баба с веснушками и волосами цвета соломы, а кто там в первом ряду... Кажется, я видела этого седовласого господина по телевизору. Актер? Музыкант? Нет, известный дирижер с каким-то помпезно-громким именем. И как его сюда занесло? Впрочем, даже этот всплеск любопытства не спас меня от очередного приступа зевоты.

«Вечно ты хочешь всего и сразу, потерпи», – постоянно делала мне внушения Анька, но ей плохо удавалось скрывать собственное разочарование. Где же обещанный эффективный метод борьбы с обидами? Где общая идея, призванная превратить нас всех в сплоченную группу единомышленников? Где индивидуально разработанные психологические программы? И где, черт возьми, красавец-руководитель?

«Ты там собралась? Я поняла, это работает твое сопротив-

ление. Лень выходить из дома – и ты невольно копаешься, начинаешь опаздывать. Действует защитный механизм психики...» Это, разумеется, снова была Анька. В конце ее внушительной для мессенджера речи красовался смайлик – перекосенное от страха лицо с картины Мунка. Что ж, нечто подобное ждет нас с подругой при встрече с Жизелью, разъяренной нашим опозданием. Надо собираться.

Вздохнув, я махнула рукой на хваленое сопротивление, выпустив в пространство пару хлестких выражений. Если мне не избежать очередной скучной жвачки, выражу протест доступными мне средствами. Никаких больше каблуков-копыт, утягивающих платьев, сложных укладок! Чье воображение мне там поражать – этого величественного дирижера, из которого уже песок сыплется? Хватит, надоело!

Из шкафа полетели удобные кроссовки и светлые джинсы. Образ дополнили простой белый топ и джинсовая же рубашка, которую я стянула на поясе решительным узлом. Может быть, моя фигура и далека от идеала, но хлеб с хлебом я никогда в себя не запихивала, и талия у меня точно есть!

Бросив взгляд в зеркало, я осталась довольна: волосы в художественном беспорядке рассыпались по плечам, минимум косметики, еле заметный и уже наполовину облезший лак для ногтей. Вот тебе, неугомонная Анька!

– Подождите буквально пять минут, скоро начнем, – с привычным надломленным видом трепетной лани, попавшей в контактный зоопарк, улыбнулась нам Мила. Сегодня сотрудница клуба держалась особенно загадочно, словно ее распирало от желания поделиться с нами важной информацией, но подходящий момент для этого еще не наступил.

Чинно прогуливаясь по просторному холлу, я в который раз пробежала взглядом по элегантному лаконичному интерьеру. Здесь царил комфорт: мягкие креслица так и приглашали отдохнуть после рабочего дня, а светлые спокойные тона радовали глаз. И снова везде наблюдалась эта патологическая аккуратность операционной. До конца расслабленной атмосфера клуба не была – возможно, благодаря тому шикарному плакату везде чувствовалось напряженное молчаливое присутствие харизматичного руководителя.

Наверное, во всем была повинна не в меру разыгравшаяся фантазия, но меня не покидала мысль о том, что герой плаката все это время находится в здании и негласно наблюдает за нами. Прямо (через камеры у ворот и в зале) и косвенно – изучая наши тесты и выслушивая отзывы Милы.

– «Большой Брат следит за тобой», – вполне предсказуемо сострила я, в который раз остановившись напротив плаката. Это услышал седой дирижер – и вскоре другие участники

программы, ожидавшие в коридоре, прыскаая, делились друг с другом удачным прозвищем. Моя случайная шутка странным образом сблизила нас, совершенно незнакомых людей, будто у присутствующих вдруг обнаружилось нечто общее. Мы стали хоть на йоту, но единомышленниками. В душе зародилась надежда: а вдруг клуб – не такая уж безнадежная затея?

Погрузившись в мысли, я и не заметила, как откололась от подруг и прошла вглубь холла. Передо мной оказался коридор, вдоль которого тянулись стильные световые панели. На безупречно чистых стенах между ними висели картины: фрактальные узоры, замысловатые и красочные, манили, будто водовороты. Казалось, еще немного, и одна из этих головоломок затянет меня внутрь, в самое неизведанное. Стало не по себе, но кого я обманывала: меня это безумно интриговало. Похоже, в стенах клуба я была обречена все время ощущать эту взрывоопасную смесь напряжения и любопытства.

Я прошла немного вперед, продолжая разглядывать эти спутанные узорчатые джунгли, и... споткнулась на ровном месте, изумленно разинув рот. Представшее передо мной творение выбивалось из общего стиля – никаких узоров, а вполне себе осмысленное полотно. Если, конечно, слово «осмысленное» было применимо к этой чудовищной кроваво-грязной мазне.

Немного отступив, я прищурилась и попыталась уловить

суть композиции картины. Хаотично разбросанные здесь и там красные пятна создавали иллюзию движения, и, обладая хотя бы зачатками фантазии, можно было без труда ощутить эту зловещую динамику, словно на картину в режиме онлайн летели брызги крови. Внизу копошились мелкие серые кляксы, в которых улавливались очертания людей. Но все это служило лишь фоном для расположенной в центре тщательно выписанной темной фигуры.

Движимая любопытством, я подалась вперед, чуть ли не носом уткнувшись в холст. Ничего себе! Грудь загадочного монстра была рассечена, и из образовавшейся бездны, как из рога изобилия, вываливались внутренности. Руки чудовища оказались неестественным образом вывернуты – оно то ли манило к себе, то ли демонстрировало стекавшие с пальцев алые струйки. Скользя взглядом вверх, к его голове, я похолодела. Лицо существа скрывал колпак палача. Но главное, в прорези на меня смотрели знакомые миндалевидные очертания. Не синие: один глаз был красноватым, другой – черным, будто всю радужку поглотил зрачок.

Я надолго застыла перед картиной, искренне пожалев, что на входе мы привычно сдали охраннику телефоны. Вот бы запечатлеть это нечто и потом, уже дома, спокойно рассмотреть в деталях! Впрочем, определение «спокойно» с этим творением совершенно не вязалось. Бога ради, во что я опять вляпалась? И кто автор этого, с позволения сказать, «шедевра»?

– Гений, – раздалось в то же мгновение у меня над ухом, и я, вздрогнув от неожиданности, узнала доброжелательный голосок Милы. Сейчас он звучал с восторженным придыханием. – Согласитесь же, он – настоящий гений! Наш руководитель... Помните, я говорила, что он разносторонне образован? В юности какое-то время учился в художественной школе. Ему прочили большое будущее в искусстве, но он все-таки выбрал психологию. Талантливый человек талантлив во всем! Великолепная картина, правда?

– Хм... Да... атмосферненько, – растерявшись, выпалила я дурацкое Анькино словечко.

Мила на мгновение потрясенно застыла, словно я только что подвергла поруганию святыню, а потом снисходительно, как маленькой, пообещала:

– Скоро вы убедитесь в его способностях. Без преувеличения, это – потрясающий человек. Ладно, пойдете, скоро начинаем!

Покорно позволяя Миле увлечь меня обратно в холл, я что-то невпопад буркнула, пытаюсь удержать нить разговора. Все мои мысли занимали картина и ее загадочный автор. Ничего не поделаешь, придется высидеть очередное скучное собрание, а уж потом придумаю, как вывести об этом «таланте» побольше!

Прямо на меня смотрели синие миндалевидные глаза. Самые что ни на есть настоящие. Не такие ультрамариново-нереальные, как на плакате, но все-таки яркие и глубокие. Их обладатель стоял на небольшом возвышении, напоминавшем сцену, и скользил взором по собравшимся. На мне глаза задержались, кажется, чуть дольше, чем на остальных. Или я просто выдавала желаемое за действительное...

Минут пять назад нас привычно провели в небольшой зал. Едва мы заняли свои места, как Мила возвестила, что сегодня – необычный день. Мы все показали себя адекватными доброжелательными людьми, и результаты тестов подтвердили это впечатление. Мы терпеливо выдержали два вводных занятия, мы оказались такими хорошими и приятными, что настал черед познакомиться друг с другом поближе. Пробил счастливый миг: сейчас, в этот самый момент, мы наконец-то встретимся с руководителем клуба!

Все на мгновение застыли в ожидании. Я машинально вскинула руку, чтобы поправить волосы, как делала всегда при приближении интересного мужчины, – и ругнулась себе под нос, ощутив под ладонью растрепанную копну. Ну конечно, с моим вечным «везением» стоило ожидать чего-то в этом роде! Два раза я приковыляла сюда на ненавистных колодках, в мешавшем дышать платье, с аккуратно уло-

женными локонами – чувствовала себя законченной дурой, но выглядела-то шикарно! Зато именно сегодня мне нужно было выпендриться и прилететь в клуб растрепанной ведьмой. Что и говорить, закон подлости в действии!

А потом в зал вошел руководитель, и вся чепуха разом вылетела у меня из головы. Он оказался совсем не таким, как я себе нарисовала. Не то чтобы его нельзя было назвать красивым... просто при столь явной харизме красота человеку и не требовалась. Мне вдруг подумалось, что эти избитые книжные фразы вроде «Он заполнил собой все пространство» не так уж далеки от истины, когда речь идет о ком-то подобном.

Высокий, лет под сорок, с темными коротко стриженными волосами, резкими крупными чертами и длинным прямым носом, он источал власть и мощь, а раздувавшиеся ноздри создавали ему сходство с драконом. Синие глаза светились неподдельным интересом и мудростью. Черный свитер и черные же брюки плотно облегли поджарую мускулистую фигуру. От этого человека исходила аура силы, причем неоднородной, словно он в равной степени был способен на искреннее участие и безжалостную месть.

Мне вдруг вспомнился папин шуточный отзыв об одном моем приятеле детских лет: «Он либо закончит за решеткой, либо станет большим человеком». Подобная харизма всегда идет рука об руку с ощущением опасности, ведь никогда не знаешь, на что употребит свое влияние очередной

прирожденный лидер. Теперь я понимала, почему сама атмосфера здесь держала в напряжении и безмерно интриговала – таково было воздействие личности создавшего клуб человека. И, судя по всему, улавливала это не я одна.

– О-о-о... какой офигенный мужик! – заерзала на соседнем стуле Анька, пихая меня в бок локтем.

В повисшей тишине ее шепот прозвучал неожиданно громко, и сидевшие рядом захихикали. Это разрядило обстановку и вывело всех из оцепенения. Психолог на сцене одарил нас уверенной улыбкой человека, полностью отдающего отчет в собственной привлекательности, и упредил извинения сконфузившейся Аньки.

– Все в порядке. – Он успокаивающе вскинул руки. На одном запястье красовались массивные, явно недешевые часы. А вот на другом... Свитер немного вздернулся, и мне показалось, что я заметила какой-то темный узор, заканчивавшийся небольшим рисунком там, где обычно щупают пульс. Неужели татуировка? Интересно, что мог увековечить на своем теле такой оригинал? Да еще и без пяти минут доктор наук?

Снова обведя всех взглядом, он заговорил, ровно, доброжелательно и ободряюще.

– Друзья – надеюсь, вы позволите мне это вольное обращение, ведь я не сомневаюсь, что скоро мы по-настоящему сблизимся, – рад приветствовать вас в стенах нашего клуба. Меня зовут Евгений, я – практикующий психолог, одновре-

менно занимаюсь научной деятельностью. – Он покосился на сидевшую у сцены Милу, ловившую буквально каждое его слово, и иронично добавил: – Как вы, вероятно, уже знаете.

Конечно, знаем. И не только по восторженным речам Милы, которая, похоже, была беззаветно, по-щенячьи предана боссу. Я еще не забыла журналистскую привычку перепроверять каждый факт и раскапывать ценную информацию. Разумеется, я узнала у Милы фамилию нашего блестящего коуча и успела основательно прочесать интернет в поисках данных. Результаты вышли до обидного скудными. Прежде всего, я не нашла в Сети ни одной фотографии руководителя клуба, что, впрочем, лишнее свидетельствовало о серьезности его работы: заботится об анонимности клиентов, себя напоказ не выставляет... Остальная информация касалась неизменно хвалебных отзывов о консультациях, его кандидатской диссертации – что-то заумное о поведенческих расстройствах – и научных статей. А еще нигде не проскальзывало ни намек на его художественные таланты – что, разумеется, было ему только на руку. Представляю, с какой скоростью разбежались бы его клиенты, улицезрейдя они того кровавого палача с одним зрачком!

– Отрадно видеть, что занятия решили продолжить несколько участников предыдущей группы. Все люди разные: кому-то хватило нашего прошлого короткого курса, кто-то присоединился к новой, дополненной программе – и правильно сделал! Приятно, что группа пополнилась но-

выми членами. – Евгений пробежал взглядом по нашей троице. – Давайте все быстро представимся и познакомимся, а потом, надеюсь, сможем лучше узнать друг друга.

– Здравствуйте, меня зовут Марина, – на правах старшей из нашей компании первой вступила Жизель. – Я узнала о клубе от знакомой, одной вашей клиентки, вы ей очень помогли – прямо-таки кардинальным образом изменили жизнь... Это что-то невероятное! И я... Я так надеюсь на вашу помощь! Слышала о вас много лестного, поэтому и подруг с собой привела. Нам так повезло попасть к вам!

Я не верила своим ушам. Голос Жизели звучал непривычно робко, с оттенком подобострастия. Сильно, видимо, нашу тетку прихватила обида, если обычно суетливая, энергичная Марина с трудом находила слова и захлебывалась от восторгов в адрес потенциального «спасителя». Анька что-то рассказывала о ее вечных проблемах на работе, где только и делали, что подсиживали да подставляли. Или... Я вдруг подумала о том, что Жизель, совсем как Мила, буквально растаяла от одного только присутствия психолога. Неужели ни одна из женщин не остается равнодушной к его чарам?

На Аню, понятно, надежды уже не было. Оправившись от допущенного в начале собрания ляпа, подруга переняла эстафету у Жизели и выдала за один раз рекордно глупое количество абсолютно ненужной информации.

– Я – Анна. – Она томно закатила глаза. – Мне нужно прийти в себя после одной неприятной... м-м-м... личной

истории. Знаете, некоторые люди совершенно не ценят хорошего отношения! Не ценят тех, кто рядом... Мне надо отпустить ситуацию, перестать волноваться о тех, кто этого недостойн. Разумом-то все понимаю, а эмоции берут верх. Надеюсь, вы мне поможете. И, кстати, я – тоже психолог, десять лет стажа! Может быть, мы с вами еще вместе поработаем...

– Обязательно помогу. И обязательно поработаем, – многообещающе подмигнул Евгений, и этого хватило, чтобы Анька задохнулась от счастья.

Да что же с моими спутницами такое творится! Да, отпадный мужик, брутальный, с юмором и, видимо, недюжинным характером. Способный на поступок. И неглупый, мягко говоря. Большой оригинал. Картины какие пишет... Я, может, тоже не прочь познакомиться с ним поближе. Но так откровенно терять голову и заискивающе бляеть в его присутствии? Нет уж, увольте! Я всегда упрямылась, когда речь шла о слепом преклонении перед авторитетами, – годы учебы, а потом и не самой простой работы научили меня тому, что больше всего важничают и раздувают щеки те, у кого за душой пусто.

Синие очи остановились на мне – уже не в первый раз.

– Теперь – вы, девушка в джинсах, – ослепительно улыбнулся наш герой, и я невольно покраснела, словно он точно знал, что стояло за моими метаниями с одеждой. Впрочем, чему тут удивляться? Наверняка все это время он наблюдал за нами через камеры и вполне мог догадаться, что к чему. –

Ну же, смелее! Можете называть меня Большим Братом, если угодно. А что, мне нравится! Или придумайте другое прозвище, похлеще, а остальные с готовностью подхватят! Вперед, неужели идеи иссякли? От вас я стерплю все что угодно.

Он залиvisto расхохотался, вскинув ладони, будто сдаётся, и мои щеки обдало жаром. Значит, руководитель клуба был в курсе всего и, видимо, на самом деле следил за нами. Но гораздо больше меня занимала другая – совсем уже бредовая – мысль. Его игривый тон и жесты, обещание стерпеть... Он что, флиртовал со мной?

– Как это иссякли? Другое прозвище? Да пожалуйста, – мгновенно ухватилась за вызов я и, пытаясь задавить в себе остатки смущения, вальяжно откинулась на стуле. Меня, человека азартного, не следовало брать на слабо. Секунда на раздумье – и вуаля, получите и распишитесь. – Я буду звать вас Гений-Евгений. Или лучше просто – Гений, зачем нам имена? Тем более все здесь от вас в таком восторге, никто не будет возражать.

– Отлично! – Нисколько не обидевшись на мое безобидное подтрунивание, он одобрительно вскинул вверх большой палец и опять засмеялся.

Я неплохо разбиралась в людях, и сейчас мне показалось, что лезть, даже с шутивным оттенком, легла на благодатную почву.

– Но в таком случае и мне следует отплатить вам той же монетой. Придумать что-нибудь по-настоящему достойное

такой оригиналки. Как ваше имя?

– О, придется вас разочаровать. – Я и сама не заметила, как тоже перешла на характерный игривый тон. – Меня зовут Рита. Просто Рита.

– Ничего себе «просто»! – фыркнул он и, разведя руками, обратился к присутствующим. – Будь я писателем, в моей книге была бы красивая роковая женщина Маргарита, одним своим появлением разрушившая благополучную жизнь героя. Посудите сами, друзья: у Булгакова – Маргарита, у Гете – Маргарита... Даже на картинах Пирсони – Маргарита! «Рита», согласен, звучит простовато. Я буду именовать вас «Маргарита». Или «Марго», в этом есть известное изящество.

– А мне нравится «Рита», – вдруг раздался за моей спиной незнакомый мужской голос. Приятный баритон звучал упрямо и несколько развязно, словно его обладатель взялся нарочно перечить Гению, и неважно, по какому вопросу. – От этого имени веет чем-то спокойным, уютным. В моей семье хранится кукла Рита, еще, кажется, бабушкина. Милое пухлое розовощекое создание в растрепанных завитушках. А ты говоришь – «роковая»! Еще психолог! Фу, если ты и гений, то точно злой!

– Вот и наш Алик подал голос, прошу, дамы, любить и жаловать. Душа компании, давний друг нашего клуба, весельчак и балагур. Обожает троллить меня по любому поводу, так что привыкайте, – отрекомендовал Гений, приветливо

отсалютовав рукой человеку за моей спиной.

Видимо, я тоже попала в сети очарования харизматичного психолога, раз совершенно не заметила, что сзади кто-то уселся. Кто-то чрезвычайно наглый, раз позволил себе выражения «пухляя» и «растрепанная» применительно ко мне!

Сгорая от любопытства, я обернулась, и в глаза мне бросились... ботинки. Вполне себе добротные большие черные ботинки, беззастенчиво стоявшие прямо на стуле. Подняв взгляд, я увидела божественного вида парня, который сидел в небольшом отдалении ото всех, на подоконнике, с удовольствием вытянув ноги на ближайшее сиденье. Растрепанные темно-русые волосы спускались до плеч, подбородок оттеняла легкая щетина, но, главное, на меня с любопытством смотрели красивые фиалковые глаза, обрамленные длинными черными ресницами. Впору было взяться за перо и придумывать оригинальные эпитеты чужой внешности. Он на кого-то похож... На какого-то красавчика, рок-звезду! Да что ж такое – в этом клубе число привлекательных мужчин на квадратный метр зашкаливало!

– Еще один, – ожидаемо хихикнула у меня над ухом Анька, и Жизель шумно выдохнула, раздраженная тем, что мы невольно отвлеклись от речи Гения.

Меня же мгновенно заинтриговал новый персонаж, этот парень, который не боялся перечить, пусть и в шутку, признанному авторитету. Да еще и общался с ним на «ты», причем в столь фривольной манере. Видимо, один из участни-

ков предыдущих тренингов – хотя при всей своей фантазии я и представить не могла, какая проблема привела сюда столь легкомысленного с виду человека. Такому все должно быть по барабану.

– Итак, продолжим наше общение, – возвестил Гений, успокаивающе глядя на Жизель, отчего та мгновенно приободрилась.

Остальные участники группы тоже представились, кратко поведав, от кого узнали о клубе и в какой раз сюда пришли. Лишь Алик беззаботно отмахнулся от объяснений – мол, хватит приставать, еще не готов откровенничать. Остальные тактично не стали настаивать на ответе.

Будто демонстрируя, что со всеми церемониями наконец покончено, психолог спустился со сцены в зал. Подхватив свободный стул одним ловким движением, он развернулся к нам, расположившись полукругом, и уселся, деловито уперев ладони в колени. Мила тут же вспорхнула со своего места и вскоре вернулась с подносом ставшего уже привычным травяного чая.

– Друзья, сегодня вы много говорите о надеждах, которые связываете с работой нашего клуба. Это, безусловно, накладывает на нас дополнительную ответственность. Но и от вас кое-что потребуется. Наши совместные усилия – залог успеха этой психологической программы, – серьезно изрек Гений. – В клубе действуют определенные требования – ничего сложного, вы все уже убедились в этом на примере прави-

ла по поводу телефонов. Прежде всего, у нас царит предельная откровенность – договорились? Из этого следует, что все мы должны обеспечивать конфиденциальность. Ни слова из того, что будет произнесено в стенах клуба, не должно утечь вовне. Этика, сами понимаете... Это в ваших же интересах. На камеры не обращайтесь внимания, они требуются для безопасности и не пишут звук, вы можете лично убедиться в этом на посту охраны, куда передается «картинка». Что бы ни случилось, держимся вместе, помогаем друг другу – всем, чем только можем. И, разумеется, слушаемся меня.

Последнее было произнесено уже со смешком, но мне показалось, что Гений не шутил. Резон в его словах был. Любой компании, даже самой маленькой, не помешал бы человек, создающий атмосферу, сплывающий, знающий, как действовать. Отвечающий за всех и за все. И он идеально подходил на эту роль. Не говоря уже о том, что клуб был его детищем, и, судя по всему, любимым. Кстати, а почему он вообще создал нечто подобное, почему помогает другим – практически бескорыстно?

Именно этот вопрос, занимавший меня оставшуюся часть встречи, я и задала в самом конце, когда Гений предложил уточнить все, что нам интересно.

– Если вы, Марго, хотите знать, не кроется ли за этим какая-то личная история, мой ответ – да, – кивнул он. – Я обязательно ее расскажу – честно, ничего не приукраши-

вая. Но... сначала нужно дать слово всем вам. Именно этим мы и займемся в следующий раз. Приходите, не пожалеете!

Гений одарил меня обворожительной улыбкой, тепло попрощался с собравшимися и поспешил удалиться. Все какое-то время еще сидели на местах, находясь под впечатлением от собрания и, главное, от человека, который его провел. Потом поднялись и засобирались к выходу.

Я рассеянно кивала в ответ на бессвязные восторженные реплики Аньки, не в силах вникнуть в их смысл, – сейчас мне было трудно сосредоточиться.

На выходе мы получили телефоны и уже были на пороге, когда кто-то вдруг окликнул меня сзади:

– Рита! Подожди!

Помедлив, я обернулась и увидела спешившего ко мне Алика. Подруги прошли вперед, деликатно пообещав подождать меня у ворот. Вопросительно глядя в смешливые глаза нового знакомого, я вдруг вспомнила про пухлую куклу с растрепанными волосами и бросила, не скрывая раздражения:

– А что, мы успели перейти на «ты»? На брудершафт, кажется, еще не пили.

– Так давай выпьем, в чем проблема? – тут же отреагировал он, несколько не смутившись. – Собственно, именно это я и хотел предложить. Посидим где-нибудь, пропустим по бокальчику, поужинаем, узнаем друг друга получше. Ты как?

Звучало соблазнительно. Провести остаток вечера в компании веселого красивого парня, а еще, возможно, узнать историю, которая привела его сюда, и, главное, выведать что-то интересное о клубе...

Но на меня вдруг навалилась безмерная усталость, разум словно окутало туманом. Яркие впечатления, стремительное, как в калейдоскопе, развитие событий, новые люди – всего этого было слишком много для какой-то пары часов... Я должна была спокойно разложить все по полочкам в своей голове. Способность мыслить здраво мне сейчас не помешала бы. Потому что пелену сознания вдруг прорезала ясная мысль: поддайся я на уговоры, и этот ужин рискует безрассудно перетечь в совместный завтрак. А нужно ли так все усложнять?

– Предложение, конечно, заманчивое. Спасибо... Алик, да? – Я прекрасно помнила его имя, но зачем давать понять, что он произвел на меня впечатление? – Извини, но сегодня не получится, я страшно устала. Обязательно пообщаемся в другой раз, обещаю!

Алик понимающе, хотя и не без легкой досады, кивнул, и я, попрощавшись, повернулась к двери. На меня взглянул знакомый плакат с бездонными синими глазами. Удивительное все же место этот клуб! За какой-то вечер я стала объектом внимания двух небанальных мужчин, уловила ореол буквально летавшей по здешним коридорам тайны и, похоже, невольно втянулась в очередную авантюру...

Уже выходя из здания на весенний прохладный воздух, я вдруг поймала себя на мысли, что напрочь забыла о терзавших меня переживаниях.

Глава 3

Прозвище «Гений» с моей легкой руки прижилось. На новой встрече оно не сходило с уст собравшихся, которые нетерпеливо прохаживались перед дверями зала в ожидании начала. Алик пока не появился, что было мне только на руку. Нет-нет, я с удовольствием пообщалась бы с ним, если бы не вынашивала хитроумный план. Мне хотелось снова скользнуть в коридор с кошмарной картиной и пройти его до конца. Наверняка там было что-то интересное – какие-нибудь двери, кабинеты или, оборони Создатель, другие подобные «шедевры»... Там точно таились какие-то загадки!

Но шанса повторить прежний подвиг не подворачивалось. У входа в коридор будто нарочно ошивался дюжий охранник, да и Мила окружила нас приветливым вниманием, умудряясь вовлекать в разговор всех и каждого. Сегодня наша хрупкая помощница выглядела усталой и надломленной, но старалась доброжелательно щебетать с усердием человека, не привыкшего посвящать в собственные проблемы окружающих.

Наконец двери маленького зала распахнулись, и мы расселись перед невысокой сценой уже привычным полукругом. За минуту до начала откуда-то материализовался запыхавшийся Алик. На сей раз он не стал вскакивать на подоконник, а с размаху плюхнулся на свободный стул справа от ме-

ня. Это и порадовало, и огорчило. С одной стороны, от присутствия Алика, со всем его богемно-растрепанным видом, странным образом веяло чем-то приятным, сильным, надежным. Словно это на сто процентов «мой» человек, словно теперь мы, что называется, «в одной лодке». Словно у нас с ним что-то будет... С другой стороны, эта демонстрация легкого намека на близость казалась мне поспешной. И, положив руку на сердце, не хотелось терять внимание нашего харизматичного Гения.

А тот между тем вошел в зал уверенной поступью, сияя ободряющей улыбкой. Обвел взглядом всех своих новоиспеченных подопечных, и при виде нас с Аликом уголки его крупного чувственного рта иронично вздернулись. Нет, наверное, показалось... В следующее мгновение губы Гения снова приветливо растянулись, но я на всякий случай отодвинулась от своего «воздыхателя» подальше.

– Друзья, давайте поговорим сегодня о том, что привело вас в стены клуба. – Гений не поднялся на сцену. Он вновь поставил стул перед нами, но не сел, а стал прохаживаться вдоль рядов. – Обиды, оскорбления, унижения, пренебрежение, умаление достоинства – нечто подобное происходит с нами чуть ли не каждый день. Иногда достаточно просто выйти на улицу или сесть в общественный транспорт в час пик. Мир, как известно, несправедлив, и мы привыкаем пропускать многое мимо ушей, чтобы не захлебнуться в этом потоке грязи. Но некоторые подобные ситуации – и создав-

шие их люди – проезжают по нашим жизням как катком. Они влияют на нас, наше настроение, наши устремления – они нас меняют, зачастую – самым радикальным образом. И в какой-то момент ловишь себя на мысли, что унижение стало частью твоего существования, что до конца дней своих ты обречен терпеть слезы, боль, навязчивые мысли о своей никчемности... Не жить полной жизнью – терпеть.

Да, все верно. Америку Гений не открыл, лишь удачно облек мои – и, видимо, всех присутствующих – мысли в форму. Важно было не что именно он сказал, а как. Со знанием дела, с полным проникновением в суть проблемы. Впрочем, что тут удивительного? Он ведь уже намекал, что за созданием клуба крылась какая-то личная история. Вот как раз ее, эту историю, мне и хотелось бы узнать!

– Зачастую речь идет и вовсе об одной ситуации, губительно сказавшейся на нашей жизни. Об одном человеке. И человека-то, возможно, уже на этом свете нет, и история произошла много лет назад. Друзья, положив руку на сердце, – нас обвели горящие энтузиазмом синие глаза, – сколько раз вы, делись своей проблемой, слышали в ответ что-то вроде: «Это было сто лет назад, сколько можно вспоминать!»? Или еще хлеще: «Не оправдывай свои неудачи былыми трудностями»? А то и: «Пора забыть», «А ну-ка, соберись, тряпка!»? И так далее и тому подобное...

Эмоционально и артистично с нами говорила сама харизма этого необычного человека. Видимо, благодаря профес-

сии я не только проникалась его речью, но и оценивала ее отстраненно – анализировала тон, откровенность, эмоциональную окраску. Эта экспрессия и глубокое, подкупающее знание вопроса представлялись прямо-таки идеальными для подобного рода выступлений. Неудивительно, что аудитория слушала психолога вдохновенно, а Жизель по привычке что-то помечала в блокноте.

– Итак, мы варимся в этом годами, наша жизнь катится по наклонной, мы унижены и несчастливы. Мы – жертвы, мы тащим на себе этот груз и только «собираем» все новые и новые обиды. А источник нашего унижения живет где-то преспокойно и в ус себе не дует. Или – еще лучше – стрижет с этой ситуации купоны.

На этих словах Гения я не удержалась от согласного кивка. В точку, моя ситуация!

– И как же тогда поступить, спросите вы меня? А еще лучше – давайте я спрошу об этом вас. Как вы справляетесь с обидами?

– Почему бы и в самом деле не махнуть на все рукой, не послать куда-нибудь подальше? – Это, разумеется, тут же высказался Алик.

Я пристально взглянула на него: похоже, парень и правда взял на себя роль такого вечного антагониста Гения, который специально скрашивает занятия репликами по поводу и без. Может быть, он – такой же сотрудник клуба, как и Мила, только негласный? Договорились устраивать здесь пред-

ставления, чтобы заинтриговать и подцепить нас, любопытных, на крючок? Ух-х, и разыгралась же у меня фантазия!

Алик между тем продолжил:

– Я понимаю, моя же история и опровергает мои слова. Но возможно, иногда надо сделать над собой усилие – и приказать себе забыть. Ты, наш злой Гений, вряд ли это одобришь, но... Однажды я встретился со своим обидчиком, услышал его версию событий и... знаете, я его понял. Человека, разрушившего мою жизнь. Понял! Вот что это такое, а?

– Что-то сродни стокгольмскому синдрому, – упреждая ответ психолога, авторитетно выскочила Анька. – Я как-то анализировала свою историю, поступок предавшего меня человека. Не поверите – в какой-то момент я ему даже посочувствовала, осознала свои ошибки! Хотя это, конечно, все равно его не оправдывает.

Гений внимательно слушал обмен мнениями, довольный тем, что завязалась дискуссия. Но потом, когда еще пара человек высказалась в духе «работать над собой, чтобы отпустить обиды», поскущнел и разочарованно вздохнул.

– Понять и простить. Забыть. – Последнее слово он произнес издевательски, с расстановкой, словно пробуя его на вкус. Потом на какой-то миг погрузился в раздумья и тут же оживился, словно нашел нужные слова. – А что, если забыть не получается? Просто представьте себе такую ситуацию. Ладно, есть родные и друзья, но они не всегда способны помочь. Есть психологи, но и они – лишь люди, которым

не все под силу. Как быть, если обида не оставляет? Хорошо давать советы, когда они касаются других. А что делать с самими собой?

Я понимала его как никто. Собственно, именно поэтому я и сорвалась на ни в чем не повинную Аньку в тот день, когда она рассказала мне о клубе. Нервы сдавали у меня и раньше – на том бесполезном психологическом тренинге. Еще – несколько раз в компании людей, пытавшихся из лучших побуждений увещевать, успокаивать, встряхивать. Да что они понимали! Я пока не знала, в чем заключается суть программы Геня, но, положив руку на сердце, его речи не вызывали у меня обычного раздражения. И я с любопытством ждала, что же будет дальше.

А он между тем в который раз задумчиво прошелся между рядами и остановился рядом с седовласым дирижером.

– Рудольф Карлович, – уважительно обратился Геней, молитвенно сложив перед ним руки. – Вы были участником предыдущей группы, я прекрасно помню ваш случай. Давайте-ка избавим молодых людей от иллюзий, расскажем им, что забыть не всегда получается? У вас яркая, необычная, но такая показательная история! Это будет полезно – и им, и вам. Ну же, не переживайте, я рядом и готов помочь.

Последние слова Геней произнес прямо-таки с сыновней учтивостью. Все-таки наш лидер не зря занимался своим делом – я уже успела оценить, как мастерски находил он «ключики» к общению с разными людьми, как безошибоч-

но угадывал, с кем можно пошутить, а кого нужно ободрить. Не удивлюсь, если после первой встречи каждая женщина ушла с осознанием того, что ее достоинства наконец-то оценили. В его обращении к дирижеру сквозило искреннее почтение и... как бы это назвала Анька?.. Да, эмпатия!

Сейчас мы, похоже, подошли к тому самому моменту группового занятия, когда один из участников должен встать и произнести сакраментальное: «Здравствуйте, меня зовут так-то, и я – несправедливо оскорбленный». Набившее оскомину, растиражированное множество раз в фильмах и книгах действо. Психологу в таких случаях полагается соорудить участливую мину и с уморительной серьезностью отозваться: «Вы хотите поговорить об этом?» Фарс, не иначе!

Но дирижеру было не до циничных ухмылок. Он поднял голову, встретившись взглядом с Гением, и от этого простого движения неожиданно повеяло безоговорочным доверием и нестерпимой душевной болью. Какое-то время старик сидел как изваяние, будто не в силах произнести ни слова, а потом решительно тряхнул седыми бетховенскими кудрями и поднялся. Все присутствующие обратились в слух, и на время я забыла о том, что больше всех остальных историй меня интересовала тайна самого Гения...

* * *

– Это произошло много-много лет назад, так долго не жи-

вут, – вымученно улыбнулся дирижер, подыскивая слова. – Я приехал из своего прибалтийского города в... Ленинград... тогда еще Ленинград... поступать в консерваторию. Послевоенные годы, бедность, неустроенный быт, но при этом – юность, надежды, вдохновение... Дома мне прочили блестящее будущее пианиста, но я в ту пору ни о какой карьере и не помышлял. Ха, карьера! Да в мое время и понятый-то таких не знали...

Начав медленно, с явной неохотой, дирижер постепенно увлекся и углубился в воспоминания. Теперь перед нами стоял не сгорбленный печалью старик, а почтенный титулованный артист, который вполне мог бы посоревноваться в харизме с самим Гением. Он размашистым жестом отбросил со лба непокорные седые пряди, и перед нами предстало вдохновенное лицо оратора.

– Педагог, занимавшийся со мной долгие годы еще там, в Нарве, наказал мне обратиться в Ленинграде к своему давнему приятелю, известному в ту пору композитору. Не буду называть имен, вы все его знаете... Тот самый, автор знаменитого советского цикла песен о весне, юности и прочей чепухе... Там-та-рам-та-рам-па-рам...

Стоило ему немного напеть, как все согласно закивали. Помнится, эту оптимистичную песню мы с Анькой старательно тянули на занятиях в школьном хоре.

– Я и обратился... на свою голову. Тот радушно принял меня, я весь вечер играл ему свою музыку. Да, в те годы

я кое-что сочинял – легкие мелодии...

Глядя перед собой невидящим взором, дирижер задумчиво пробежал пальцами по воздуху, словно пробовал ноты на ощупь. Гений стоял поодаль, у места Милы, и, скрестив руки на груди, с интересом наблюдал за самым пожилым участником собрания. Мы же невольно подались вперед, чтобы не упустить ни одну деталь рассказа.

– Я поступил в консерваторию – сам, без «мохнатой лапы», как принято сейчас говорить. Мой новый знакомый, этот известный композитор, преподавал там же, но старательно делал вид, что в глаза меня никогда не видел. Я ничего не заподозрил – решил, что он не хочет афишировать наше знакомство, чтобы не обвинили в кумовстве. Окунулся в учебу, буквально дневал и ночевал у инструмента! И однажды, в один ничем не примечательный день, когда мы с соседями по общежитию перехватывали что-то на кухне, мой сокурсник включил радио. И знаете, что я услышал? Одну из своих мелодий! Немного измененную, аранжированную, соединенную с веселеньким текстом и женским вокалом – но все-таки свою музыку! Представляете, что я почувствовал?

– Еще как! – громко охнула Жизель, всплеснув руками. – И что же вы? Надеюсь, не стали молчать и отсиживаться в уголке, пошли качать права?

– По части качания прав я, конечно, тот еще мастер... – потерянно улыбнулся дирижер. – Но вы правы: я, разумеет-

ся, не мог этого так оставить. Отправился к «покровителю» домой, но домработница – мы в ту пору голодали, а у него была домработница! – меня и на порог не пустила. Дежурил у его подъезда, бегал за ним по всей консерватории. От переживаний лишился сна, с ума сходил, сначала скандалил, потом впал в уныние, думал, может, случайно так вышло... Разве знаменитый человек, обласканный властью и любовью публики, мог опуститься до банального воровства? Придумывал ему оправдания – почему-то мне так было легче...

– А это тоже сродни стокгольмскому синдрому, – вклинилась в паузу моя неугомонная подруга, бросив многозначительный взгляд в сторону Геня, мол, «Мы-то с вами знаем!». – Унижение оказалось непосильной ношей, и вы, сами того не понимая, прибегли к механизму психологической защиты. Стали подсознательно идентифицировать себя с агрессором, искать извинения его поступку. Что скажет наш психолог? Я права?

– Безусловно, – с полуулыбкой кивнул Геней, и подруга просияла, словно прилежная первоклассница в ответ на похвалу учителя. – Если так и дальше пойдет, я буду называть вас Анной Фрейд.

Анька захихикала, гордясь тем, что единственная из присутствующих – не считая Милы – до конца поняла его шутку. Подруга наклонилась ко мне, чтобы объяснить смысл, но Геней с ироничной укоризной приложил палец к своим губам, предлагая сосредоточиться на рассказе. Все это время дири-

жер, казалось, витал где-то в своем мире, но наконец очнулся и продолжил:

– Он удостоил меня вниманием лишь раз. Посмотрел сверху вниз, как на пигмея, – до сих пор не понимаю, как этому шмакодявке удалось нечто подобное, при моем-то росте! – и спокойно разъяснил, что знать меня не знает, моей музыки никогда не слышал, а если его песня и похожа на мою мелодию, то еще неизвестно, кто у кого заимствовал. Вот как – «заимствовал»! А напоследок посоветовал угомониться, иначе пулей вылечу из консерватории. Вздумаю добиваться справедливости – что ж, мое право. Только кому поверят скорее – прославленному композитору или прыщавому юнцу? Рудольфу! Да еще и Карловичу! Пожившему, кстати, в годы войны на оккупированной территории. Пусть и совсем маленьким, но факт, виноват! Встаньте на мое место – ну как быть? Он – о-го-го, а я – ноль без палочки, пустое место, никто... Как-то мой внук это по-современному называет...

– Ноунейм? – тоненько пискнул кто-то из собравшихся.

О, это подсказала девушка-тростинка, подав голос впервые за все время, проведенное нами в стенах клуба. Видимо, история дирижера тронула и совсем юную аудиторию. Какая крошка, еще подросток... Кстати, а почему она здесь одна, разве на подобные мероприятия несовершеннолетних не должны сопровождать родители?

– Как-как? Ноунейм? Не знаю, может быть... – отреагиро-

вал на смутно знакомое словечко пожилой дирижер и развел руками. – Я смирился. Насколько это вообще было возможно, ведь песня звучала, как сейчас говорят, из каждого утюга... Совсем перестал слушать радио, ходить на современные концерты – боялся услышать еще одно свое «заимствование». Так и не знаю, может быть, тот мерзавец еще что-то украл. Вот, собственно, и вся история. Кроме того, что мне стало трудно играть. Видел фортепиано – и трясло всего. Перевелся на дирижерское отделение – так там мы тоже не отходили от инструмента. Представляете мои мучения?

– Вы так больше ничего и не написали? – спросил кто-то из малознакомых мне пока участников тренинга.

– Нет. Не смог. И все свои ноты уничтожил. Но знаете, что меня спасло? – Лицо Рудольфа Карловича просияло. – Музыка! Вот так. Я погрузился в классику, раздобыл книги по оркестровке, стал разбирать партитуры. Постепенно на меня обратили внимание, я много работал в провинции, потом позвали в Москву, а в девяностые стали приглашать за границу. Получив известность, я пообещал себе никогда не братья за произведения современных композиторов. До сих пор держу слово – и горжусь этим! Мало ли... вдруг они тоже что-то у кого-то «позаимствовали»? Только Моцарт, Чайковский, Прокофьев – им я верю!

Вымотанный рассказом, пожилой дирижер с облегчением опустился на стул, сделав глоток принесенного Милой чая. Мы помолчали пару минут, «переваривая» услышанное,

а потом, словно по невидимому сигналу, затараторили все и сразу. Анька настаивала на отдельном курсе психотерапии для дирижера, Марина советовала проклясть семью обидчика до седьмого колена, Алик и вовсе посылал плагиатора ко всем... куда подальше. Мне же непременно требовалось знать, восторжествовала ли справедливость – пусть и спустя годы!

Гений вышел на свое привычное место перед рядами и помахал руками, призывая нас успокоиться. Не без труда восстановилась тишина.

– Рудольф Карлович, от души благодарю вас, я понимаю, как непросто вспоминать о чем-то подобном. Ваш рассказ – лучшее подтверждение того, что срока давности для таких переживаний нет. Вы говорите, что смирились. Но само ваше присутствие здесь, в психологическом клубе, опровергает эти слова.

Дирижер помедлил, запустив пальцы в седые пряди и будто решая, стоит ли снова беречь былые раны. Потом энергично тряхнул головой.

– Ваша правда, Женя, ваша правда! Кого я обманываю? Я до сих пор редко слушаю радио и почти не смотрю телевизор – как-то случайно попал на передачу о «великом композиторе, который скрашивал унылую советскую действительность светлыми мелодиями». А недавно ко мне пришел внук... он учится в музыкальном колледже. Хотел, чтобы я проверил написанную им речь. Его попросили выступить.

пить на каком-то концерте студентов с небольшим рассказом обо мне. Обычная история: дед – известный дирижер, внук тоже решил связать жизнь с музыкой. И знаете, что написал мой умник? Что-то вроде «дедушке посчастливилось учиться у одного из лучших композиторов тех лет, который щедро и бескорыстно делился...». И все в таком духе. Меня чуть удар не хватил. Возможно ли большее унижение?

Никто из нас не решался нарушить повисшее гнетущее молчание. А он сильный человек, этот седой старик, вдруг подумалось мне. Не ушел из музыки, а добился успеха, пусть и на другом поприще. Подумать только, каждый божий день он варился во всей этой творческой «кухне» – и не мог не вспоминать о давнем обмане! Каждый божий день. Сушная пытка.

Словно подслушав мои мысли, Рудольф Карлович резко закивал, пытаясь убедить самого себя:

– Надо забыть. Да, забыть. Сколько можно – бессонница, неотступные мысли, от которых мне плохо, физически плохо! И ничего не поделаешь. Тот мерзавец умер. Похоронили с почестями, теперь память чтут по каждому удобному случаю... А мое унижение живо. И я – как в тюрьме. Меня даже лишили свободы ненавидеть. Свободы презирать. Свободы сказать о подлеце, что он – подлец. Ведь, как известно, «о мертвых либо хорошо, либо ничего».

– ...кроме правды, – неожиданно продолжил Гений. Какие-то два слова – но он произнес их с убийственной вес-

костью, заставив меня похолодеть. – Не все знают, но именно так на самом деле звучит это изречение: «О мертвых либо хорошо, либо ничего, кроме правды». Некоторым людям, видимо, легче забыть. Запретить себе вспоминать. Погрешить против истины. Простить.

Гений обхватил себя руками и постоял, укоризненно качая головой. Потом вдруг сорвался с места и решительно прошагал к концу первого ряда, на котором сидела та самая худенькая девушка, специалистка в области молодежного сленга.

– Юлечка, можно тебя попросить, – мягко, как к ребенку, обратился к ней Гений. – Давай покажем нашим друзьям, что есть вещи, которые простить невозможно. Выйди, пожалуйста, к доске, нарисуй себя.

Он произнес это доверительным и в то же время интригующим тоном, будто на самом деле имел в виду нечто вроде: «Давай покажем этим взрослым наивным дядям и тетям наш любимый фокус».

Девочка покорно поднялась на сцену, где услужливая Мила, повинувшись малейшему движению брови своего босса, уже включила большую интерактивную доску. Взяв маркер, Юлечка в три штриха набросала абрис фигуры. Видимо, она ослышалась или просто не привыкла рисовать на такой доске, потому что фигура получилась огромной.

– Вот, – одобрительно, с торжествующим видом кивнул Гений. – Вся история – в одном рисунке. Юлечке двадцать

семь лет. Обычная история: полная девочка, травля в детстве, как следствие – пищевое расстройство. Булимия, анорексия – адская смесь и такая распространенная! Обидчики давно выросли, некоторые, судя по соцсетям, стали гораздо полнее нее – той, прежней. Но у них все в порядке! Работают, женятся, рожают детей. А у Юли – полный набор проблем со здоровьем, и не только физическим. И что, это можно простить? Рудольф Карлович, это нужно забыть? Алик, их достаточно просто послать подальше?

Я не верила своим ушам. Двадцать семь лет – а я-то приняла ее за подростка! Положим, у меня тоже были проблемы с весом – и с детскими дразнилками. Но переживать так сильно? Хотя чему я удивляюсь, все люди разные. Возможно, у Юлечки тонкая душевная организация. Кстати, а не подвергает ли ее Гений ненужным переживаниям? Что-то жестковато для психолога...

Юлечка так и стояла у доски – послушно, не выражая никаких эмоций. Наверное, девчонку успели основательно напичкать какими-нибудь антидепрессантами. Гений подошел к ней и заключил в объятия, нашептывая на ухо что-то успокаивающее. В этом его жесте не сквозило ни намек на типично мужской интерес, это был скорее братский порыв. И все же я удивленно застыла на месте: что это за психолог, который так запросто обнимает клиентов? Впрочем, пора было привыкнуть к тому, что в стенах клуба происходит немало удивительного.

Гений помог Юлечке спуститься и проводил ее на место. А перед нами так и осталась огромная доска с нарисованными на ней очертаниями гигантской фигуры. Наглядно. Нам кажется, что прошлое похоронено и забыто, но оно живет. Безобразное, угрожающих размеров. В наших головах, в наших душах. Напоминает о себе, неотступно, каждый день: мыслями – днем, кошмарами и слезами – ночью. И мы бессильны что-либо изменить. Мы не можем доказать свою правоту. Как там сказал дирижер? «Меня лишили свободы ненавидеть». Именно это я и чувствовала. Сейчас, в этот самый момент, чужая непорядочная тетка хозяйничала в моем родном доме. Она могла выбрасывать дорогие моей семье вещи, выдумывать обо мне гнусные истории, откровенно хамить моим родителям... Она могла все. Я – ничего. Замолчи и смирись.

– Итак, – Гений снова встал перед нами и вскинул руки, соединив кончики пальцев, – мы собрались здесь, чтобы поддержать друг друга. Такова основная идея существования клуба – не только профессиональная помощь, но и работа команды единомышленников. Один из лучших способов справиться со своей бедой – помочь другому, оказавшемуся в похожей ситуации. Попробуем? Поможем Рудольфу Карловичу?

Я бы – с удовольствием, только чем? Все вокруг, видимо, подумали то же самое, раз растерянно притихли. Гений обвел нас задумчивым взглядом, что-то прикинул в уме

и неожиданно просветлел:

– Мне только что пришло в голову... Не считая меня, здесь присутствует двенадцать человек. Двенадцать присяжных. Давайте вынесем вердикт. Виновен ли обидчик нашего дирижера? Можно ли забыть его поступок? Или это достойно порицания – и кары? Ну же, друзья, пофантазируем! Представьте, что вы – двенадцать судей. Двенадцать палачей.

Меня вдавило в стул. «Палачей». Значит, сюжет картины не случаен. Помню, Анька как-то щебетала о том, что нельзя держать в себе негативную энергию, нужно ее выплескивать – например, употреблять на творчество. Что же за демоны роились у Геня внутри? Теперь я просто обязана узнать его историю, даже если для этого придется выслушать непростые откровения остальных и самой вывернуть душу наизнанку! Кстати, неужели нас и правда двенадцать? Я машинально повертелась, подсчитывая собравшихся. Так и есть, с Гением – тринадцать. Только он совершенно забыл о Миле, будто она – пустое место...

– ...у этого композитора остались близкие? – между тем выдавали идеи присутствующие. – Рассказать обо всем хотя бы им, открыть глаза на их «великого» родственника!

– А еще лучше – проклясть и навести порчу, – твердо стояла на своей глупой версии Жизель. И что там творилось у нее на работе, раз тетка никак не могла отвязаться от псевдоэзотерики?

– Да плюнуть ему на могилу, и дело с концом. – Это, ра-

зумеется, подбросил вариант Алик.

И так далее и тому подобное... Гений смотрел на нас с таким видом, будто вот-вот схватится за голову. А Рудольф Карлович... Он снова сгорбил плечи, не в силах больше нести груз переживаний, и застыл на месте, обратившись в подобие горестного памятника.

Мне стало не по себе. Этому мудрому сильному человеку явно претил поднявшийся ажиотаж. Но он снова терпел – как терпел всю жизнь. Терпел из мудрости, интеллигентности, великодушия... Мы уже перевели впустую немало слов, а скоро и вовсе разойдемся, так ничего и не предложив. Старик останется один на один с несправедливостью, глубоко оскорбленный, беспомощный...

– Да подождите вы все! – Повинуясь внезапно пронзившей разум смутной мысли, я не узнала собственный голос. Сейчас мне требовалось только одно: чтобы окружающие заткнулись. В этом гвалте идея упорно ускользала от меня... В горле пересохло от волнения, и я сделала глоток спасительного чая. Сейчас... так, уже теплее...

– Марго? – Синие глаза зажглись надеждой, и я поняла, что не могу сплеховать. Мне очень хотелось помочь дирижеру. И в не меньшей степени – оправдать доверие нашего раздосадованного лидера. Кажется, я кое-что придумала... Секундочку... Да вот же!

– У меня есть знакомая – по старой, еще журналистской деятельности. Толковая девочка, не болтушка. Работает сей-

час в одном «желтом» журнале, довольно известном. Я не осуждаю – каждый зарабатывает как может, – деловито начала я.

Остальные оживились, хотя, судя по лицам, еще не понимали, куда я клоню. А во мне между тем проснулось вдохновение.

– Значит, одно издание у нас уже есть. Знакомая наверняка подскажет выходы и на другие. И сможет написать статью, изложить всю эту историю. Да, доказать ничего нельзя. Посеять сомнения – запросто. Особенно если будет написано талантливо. Как минимум расшатает пьедестал «великого творца». Может, найдутся другие обиженные, с более вескими свидетельствами. Человек такого сорта, как этот ваш композитор, наверняка «наследил» где-то еще. Восстановим справедливость – хотя бы так! Человек умер, но память о нем жива. Так пусть эта память будет правдивой!

Повисла тишина – плотная, будто сотканная из общих мыслей. Мне было свойственно сомневаться в словах и решениях, но сейчас от привычных колебаний не осталось и следа. Во-первых, я выступаю за справедливость, и это честно. Во-вторых, мы должны стать одной командой. В-третьих, просто обратиться с просьбой к знакомой – что в этом криминального? Ну и... «лучший способ справиться с бедой – помочь другому», святая правда! И не только потому, что я отвлекусь от своих страданий и совершу благое дело. Главное, я наконец-то перестану пасовать перед людьми

и обстоятельствами, переборю страхи, возьму жизнь в свои руки. Перестану быть жертвой. Дам себе свободу ненавидеть.

– Вот же! Прекрасная идея! – довольно протянул Гений с видом «можете ведь, когда захотите». – Отлично! И именно «написать талантливо»! Возьмешься, Маргарита?

Опа, а на это я, если честно, не рассчитывала... Не потому, что чего-то боялась, – в конце концов, сохранить анонимность в издании с картинками от папарацци было проще простого. Но... с недавних пор я бросила писать, не было настроения. Короткие пресс-релизы по работе – не в счет. Откуда он взял, что у меня получится? Да, и кстати... В этом клубе что, манера такая – быстро переходить на «ты»?

– Достаточно было ознакомиться с ответом на вступительную анкету, чтобы понять: у тебя безупречный и самобытный стиль, в пору романы сочинять, – словно услышав мои вопросы, пояснил Гений. – Но работаешь ты в пиаре. Почему бросила писать? И не подвернулся ли повод возобновить?

– Почему? – Я лихорадочно пыталась придумать сколько-нибудь внятное объяснение. Только что я выслушала пару тяжелых историй, и впечатлений на сегодня было достаточно. Мне не хотелось погружать остальных в свои проблемы – момент еще не настал. – Все просто... Газета, в которой я работала, закрылась. Кризис, конкуренция – журналистам сейчас непросто. Я сменила сферу деятельности, а писать «в стол» – не мое. Зачем, если это никому не нужно?

Я давно не работала со статьями. Да я даже название к этой истории придумать не смогу!

– Нужно что-то короткое. Да, короткое, но хлесткое, – с видом эксперта заявил Гений, словно кто-то просил его о помощи. А я ведь даже еще не согласилась! – Вот у Кафки – «Процесс», и все. Или у Шекспира – «Гамлет». У Достоевского – «Идиот». И здесь нужно что-то «говорящее».

Сказала бы я сейчас кое-кому пару ласковых, коротко, но хлестко... Гений взялся меня убеждать, а остальные с готовностью подхватили и бросились поучать. Со всех сторон полетели советы:

– Можно начать со строчки из песни, все ведь ее знают. Сыграть на контрасте: такая «светлая» песня – и темная душа...

– Про дирижера нашего как следует развернуть, не все ведь увлекаются классикой...

– И про пигмея, про пигмея обязательно написать, это так красочно...

Я лишь вертела головой, потеряв дар речи и уже готовая сдать под их напором. И тут Алик, единственный молчавший, тронул меня за руку и отрицательно покачал головой, мол, «Если сомневаешься, не соглашайся». Но разве я могла подвести, когда на меня с надеждой смотрели столько глаз? Чего тогда стоят мои упования на справедливость?

– Ладно, постараюсь помочь... – отмахнулась я, ежась под обжигающе-неодобрительным взглядом Алика. – Но, чест-

но говоря, пока не знаю, как мне это написать...

– Если не знаешь, может, не стоит и браться? – наконец-то подал голос наш красавчик и, выдержав паузу, авторитетно изрек: – Писать надо так, чтобы твои фразы захотелось растащить на мотиваторы в интернете. Или набить на теле.

Ему, конечно, виднее, вон, какой татуированный узор торчит из-под закатанного рукава! И я, кажется, слышу сомнение в его тоне? Думает, не смогу «тряхнуть стариной» и выдать что-нибудь удачное? Все, держись!!! Я ведь уже упоминала, что меня нельзя брать на слабо?

– Решено, берусь. Можете не трогать красноречие на уговоры. Но мне нужно как следует вникнуть в проблему.

– Постойте-постойте, друзья, я еще ничего не решил, – подал голос Рудольф Карлович. – Я благодарен вам за участие, но затевать шумиху не готов. А вот на могиле негодяя побывать надо. Не знаю, зачем мне это, какое-то чувство... Вдруг смогу поставить крест на этой истории? Все-таки похоронить прошлое?

– Договорились, – неожиданно легко согласился Гений.

А я-то думала, он начнет уговаривать дирижера, раз с таким азартом ухватился за мою идею!

– Побываем и вникнем. Рудольф Карлович, обещаю, мы с уважением отнесемся к любому вашему решению. Но вам нужна поддержка. Если не возражаете, мы с Маргаритой составим вам компанию.

– Тогда и я поеду, – тут же среагировал Алик.

– И я, – пискнула Анька.

Хорошенькое дело: один, похоже, вознамерился везде за мной таскаться, а другая не может пережить, что «офигенный мужик» проявил толику интереса к ее лучшей, на секундочку, подруге!

– Нет-нет, зачем нам такая делегация? – улыбнулся Гений, давая понять, что разгадал истинную суть их намерений. – Не будем привлекать лишнего внимания. Еще не время.

* * *

«Каков мужчина за рулем, таков и в постели» – недавно я читала заметку на эту тему в женском журнале. Тогда энтузиазм авторши, упорно доказывавшей справедливость изречения, показался мне глупым. Сейчас же, сидя на переднем пассажирском сиденье рядом с Гением, который уверенно, с шиком и даже нагло вато пробивался через пробку, я была готова поверить популярному глянцу...

Рудольф Карлович сразу уселся сзади – видимо, желал тактично оградиться от любых разговоров. Сегодня старик был молчаливее обычного, но язык жестов выдавал его волнение. Дирижер никак не мог устроиться в машине, хотя та обладала внушительными габаритами, путался в пальто, несколько раз ронял зонт-трость. Мы с Гением старались упредить любые его желания и с готовностью бросались на помощь всякий раз, когда это требовалось.

В салоне царил напряженная тишина. Любые разговоры сейчас, когда Рудольф Карлович готовился к «встрече» с давним знакомым, казались неуместными. Включать музыку и вовсе было бы вопиющей неделикатностью. Вот мы и молчали. Гений ловко управлял своим шикарным черным внедорожником, а я искоса наблюдала за нашим лидером и думала о всякой всячине...

Вчера я посмотрела один из концертов с участием Рудольфа Карловича. Поисковик в интернете выдал множество ссылок на его выступления – в Москве, Питере, Казани, Эдинбурге, Вене... Я выбрала свой любимый Третий фортепианный концерт Рахманинова – никогда не считала себя знатоком классической музыки, но это произведение могла напеть наизусть и чуть ли не целиком. А еще мне вдруг вспомнилось, как в юности ходила с мамой на вечер памяти Рахманинова. Из всех рассказов особенно запомнился один: как композитор, столкнувшись с критикой, погрузился в глубокий творческий кризис и несколько лет ничего не сочинял. Тогда ему помог талантливый психотерапевт – может быть, наш Гений точно так же поможет Рудольфу Карловичу?

Словом, я выбрала композитора и произведение неслучайно – и до сих пор находилась под впечатлением. Рудольф Карлович высился на сцене, как полководец, готовый отдавать приказы покорной рати. Нет, скорее как судья, замерший перед тем, как преломить жезл и отдать преступника палачу... Ох, какую чушь я несу – похоже, обещанная статья

уже начала складываться у меня в голове. И совершенно напрасно, ведь дирижер ясно дал понять, что не хочет шумихи. Но воображению ведь не прикажешь...

Знакомая с детства музыка раскрывалась для меня совсем иначе. Сейчас она была фоном для всего, о чем поведал нам дирижер: я слышала наивное вдохновение юности, бурные надежды, разочарование, яростную, готовую выплеснуться злость – и успокоение, смирение, светлую грусть завершающего жизненный путь человека. В конце он, измотанный, взмокший, из последних сил взмыл над оркестром, подгоняя музыкантов, заставляя их следовать неистовому темпу... На финальном аккорде дирижер размашисто, с испуганием взмахнул палочкой, будто желая поразить пианиста в самое сердце. Ставя точку в своей жизни. Оставляя ощущение трагедии.

Гений между тем притормозил на одной из улочек – к известному кладбищу в центре города проще было подойти пешком. Открыл мою дверцу, потом заботливо помог выбраться Рудольфу Карловичу. Я почти физически ощущала владевший дирижером трепет, но покровительственное присутствие Гения немного развеивало напряжение. У самых ворот кладбища старик остановился как вкопанный, не в силах занести ногу и сделать последний решительный шаг. Нечто подобное чувствуешь иногда во сне, когда нужно бежать, а тело тебя не слушается.

– Может быть, вернемся? – Гений мягко тронул за рукав

дирижера. – Не надо себя мучить.

– Нет, – покачал головой старик и упрямо тряхнул седыми прядями. – Нет. Иначе я никогда от этого не избавлюсь.

Кивнув, Гений скрылся в маленьком здании при входе, где располагались администрация кладбища и цветочный магазин. Через пять минут он выскочил оттуда с двумя ветками каких-то странных красновато-желтых цветов, напоминавших языки пламени.

– Я выяснил, какой участок нам нужен, это туда. – Гений махнул вправо и протянул дирижеру цветы. – А здесь неплохой магазин, я звонил им вчера, и доставили в лучшем виде. Довольно редкие в наших краях цветы, иногда их называют кошачьими когтями. Символ мести, предупреждение о грядущей каре. Мне показалось, вам, как творческому человеку, понравится. Можете «подарить» цветы обидчику.

Мы прошли немного вперед, пару раз свернули. По акварельно-голубому апрельскому небу бежали облачка, а пока еще голые деревья и смотревшие на нас древние ангелочки добавляли картине безмятежности. Но стоило нам выбрать-ся на современную аллею, окаймленную пышными памятниками советских времен, как зыбкое умиротворение рассеялось.

– Вот он! – торжественно вскричал Гений, и передо мной предстал помпезный постамент. Скользнув взглядом выше, я увидела глыбу из белого мрамора, в которой угадывались очертания плеч и головы. Подойдя ближе, я разглядела узна-

ваемые нос картошкой, залысины и глазки-щелочки. Перед именем и годами жизни вилась высеченная на камне тоненькая ниточка нот. Мы остановились как вкопанные, и я спиной уловила ужас, объявший замершего сзади дирижера. Через мгновение Рудольф Карлович в порыве не свойственной его возрасту энергии бросился к памятнику.

– Нет, не мое! Слава богу, не мое, – с облегчением выдохнул он, считав ничего не говорящую мне строчку нотных знаков. Потом в эйфории обвел нас взглядом... и тут же осекся, пронзенный внезапным осознанием. – Какое унижение! Нет, вы только вдумайтесь, какое унижение! Я устал быть жертвой! Бояться его... даже мертвого... Радоваться, что он не может меня обокрасть – уже с того света! Один миг – и все, я – не человек, меня нет! Только страх, животный страх, что прошлое вернется. А оно и не исчезало... оно не умерло! За что? За что?!

Старик еще долго стоял у могилы, глядя на ноты затуманенными глазами. Он то запускал скрюченные длинные пальцы в седые волосы, то что-то бессвязно бормотал себе под нос, то горестно покачивался из стороны в сторону. Мы с Гением тактично держались в стороне, в любую секунду готовые поспешить с утешениями. Но вот Рудольф Карлович горделиво выпрямился, швырнул цветы и, не оглядываясь, зашагал прочь.

Гений кинулся догонять старика, а я помедлила, бросив взгляд на могилу. И тут же застыла, объятая ужасом. Один

цветок сиротливо валялся у ограды, почти на аллее. Другой маленьким пламенем алел на мраморной белой цветочнице. Соцветия венчали острые, будто когти хищника, зубцы.

Рудольф Карлович оставил на могиле обидчика один цветок. «Подарил» один-единственный цветок, как живому. Прошлое никуда не исчезло, не развеялось. Не умерло, не упокоилось в могиле. Оно по-прежнему жило, терзая душу безжалостными когтями, и неизвестно, существовало ли от него спасение.

Глава 4

Моя статья «выстрелила». Всего через неделю во всех киосках на самом видном месте красовался тонкий скандальный журнал с кричащим заголовком «Известный композитор – вор?» на обложке. Под статьей с коротким, но хлестким названием «Ничего, кроме правды» стояла довольно распространенная фамилия, причем мужская. Договориться с девочкой из издания оказалось проще простого, особенно когда я свела ее с Гением. Тот вмиг обаял новую знакомую и, похоже, хорошенько позолотил ей ручку. А скоро тему подхватили и другие писаки, коршунами слетевшиеся на сенсацию.

В один прекрасный день Рудольфа Карловича пригласили на телевидение. То ли момент выдался удачным – у телевизионщиков на время иссякли обычные сюжеты с тестами ДНК и семейными перипетиями звезд, то ли история вопиющей несправедливости так всех заинтересовала, но факт остается фактом: редакторы идущего в прайм-тайм шоу обратились к нашему дирижеру.

Перед началом очередного собрания группы Мила уведомила Рудольфа Карловича в глубь так манящего меня коридора, откуда спустя минут десять он появился уже в сопровождении Гения. Ах, значит, я не ошиблась, там располагалось что-то интересное, видимо, личный кабинет нашего

блестящего психолога! И мне снова захотелось незаметно скользнуть в этот коридор. Спрятаться в каком-нибудь уголке, узнать, о чем Гений секретничает со своей помощницей, посмотреть, нет ли там других картин... Да бог знает зачем еще, только бы уловить суть витающей в этом коридоре тайны!

Спустя еще несколько дней мы с Анькой сидели у меня и, уплетая заказанную по столь важному поводу пиццу, внимали шустрому ведущему из «ящика». Внизу яркой лентой светилась тема передачи, в которой крупными буквами выделялось уже привычное «вор». Мы прекрасно знали, что Рудольф Карлович согласился на этот эфир лишь с условием, что Гений будет рядом. Тот действительно присутствовал на съемках, скромно сидел среди публики, а после записи передачи скинул нам в мессенджер сообщение: «Фееричное действо. Посмотрите обязательно, получите удовольствие. Будет сюрприз!»

Сначала ведущий долго перечислял заслуги и звания гостя, потом показали «нарезку» самых известных его выступлений. Наконец Рудольфу Карловичу дали слово. Он говорил ровно, с достоинством и спокойным осознанием собственной правоты. Ведущий пытался встрять с провокационными вопросами вроде: «Но разве композитор не помог вам поступить в консерваторию?» – но всякий раз Рудольф Карлович отвергал инсинуации одним взмахом величавой головы.

Потом в студию влетела дочь композитора, полная дама с носом картошкой и глазками-щелочками. Она плюхнулась на соседний диванчик и с места в карьер принялась громко верещать о том, что родителя безжалостно оболгали, а вся ее жизнь с недавних пор превратилась в ад. Звонки журналистов, косые взгляды соседей, вопросы коллег, нелепые обвинения... да мало ли, сколько их, таких «несправедливо оболганных», – вагон и маленькая тележка! Что теперь, верить каждому лгуну?

– Любопытно, что вы сами подняли эту тему, – подхватил бойкий ведущий, словно ждал именно такого поворота, и, заговорщически глядя в камеру, пообещал зрителям: – После рекламы в эту студию войдет человек, утверждающий, что тоже пострадал от действий прославленного композитора. Наш новый гость молчал долгие годы – и решился заговорить только сейчас. Итак, совсем скоро, не переключайтесь!

– О-го-го! Похоже, мы разворошили осиное гнездо. Точнее, ты. Вот она, сила «четвертой власти» в действии, – хохотнула Анька.

Я растерянно улыбнулась. Если честно, совсем не ожидала, что довольно безобидная – и, главное, честная – статья спровоцирует такую шумиху. Но, с другой стороны, я и не жалела, что случайно подкинула эту идею. Правда должна восторжествовать – пусть даже и таким, весьма своеобразным способом.

После выхода статьи Геня так и распирало от успеха

«первого настоящего дела нашего клуба», он даже посмаковал особенно удачный, с его точки зрения, пассаж на очередном собрании, хотя мои сотоварищи уже успели прочитать материал.

– «Справедливость есть право слабого», – писал когда-то Жозеф Жубер. Его высказыванию уже два столетия, но само понятие “справедливость” продолжает стойко ассоциироваться с бесполезными потугами слабых, беззащитных людей добиться... хотя бы чего-нибудь. Но это – история сильного человека, – Гений отвлекся от статьи и удовлетворенно кивнул, а Рудольф Карлович смущенно потупил взор, – сильного и порядочного. Возможно, всем нам нужно перестать воспринимать такие понятия, как “совесть”, “правда” и “достоинство” в качестве некоего убогого утешения для слабых. В противном случае порядочный человек обречен всегда оставаться в одиночестве среди равнодушия окружающих и мучиться риторическим “За что?”».

– Круто, – выразил общее мнение Алик, когда Гений закончил читать. С ума сойти, даже его проняло! – Знаете, о чем я сейчас подумал? Недавно стою на перекрестке, пережидая красный сигнал светофора. С недавних пор я превратился в пешехода, причем примерного – попал в аварию, разбил машину и с тех пор стал тщательнее следовать всем этим правилам. А тут и дорога-то свободна, и ждать целых полторы минуты, и опаздываю – а все же стою, раз положено. Все вокруг преспокойненько бегут, толкают меня, чуть ли

пальцем у виска не крутят, мол, «Сам дурак, время есть тут стоять, так другим не мешай!». А ведь в этом, по сути, вся наша жизнь. Кто-то следует правилам – или той же совести, а остальные вот так... бегут, всегда впереди. И плевать, если кого-то оттолкнут, сметут с пути или вовсе сбросят под колеса.

Я взглянула на Алика с интересом. Иначе – чуть ли не впервые с момента знакомства. Как на нестандартную личность, человека со своим мнением, с любопытными наблюдениями, своей – пусть даже вот такой обыденной – философией. Внешнее легкомыслие и богемный имидж помешали сразу оценить это. Странный парень... Сейчас я без колебаний приняла бы его приглашение пропустить по бокальчику и пообщаться, но – вот незадача! – Алик вечно опаздывал на собрания клуба, а по их окончании куда-то усвистывал.

Однажды я заметила, как он воспользовался обычной суматохой в холле, когда одни члены клуба уже прощались с Гением и Милой, а другие получали у охранника телефоны, и скользнул в таинственный коридор. Я не привлекла внимание остальных, не сказала об этом ни одной живой душе – интуиция подсказывала, что увиденное стоит оставить при себе. Кто знает, еще попаду в дурацкое положение, когда на самом деле выяснится, что Алик – тайный сотрудник клуба. Они с Гением были как-то связаны – но как? Это мне еще предстояло выяснить...

– ...да очнись ты, Ритка! Зову-зову – не дозовешься, – резко вторгся в мысли голос подруги. – И где ты вечно витаешь? Сейчас пропустишь самое интересное!

И правда, реклама уже прошла, на экране вновь возник говорливый ведущий, кратко напомнивший тему передачи.

– Разбираясь в этой запутанной истории, наши редакторы провели целое расследование. – Эта его фраза, кажется, сопровождала любой подобный эфир, но на сей раз парень из «ящика» сиял, аки солнце ясное, предвкушая колоссальную разборку. – И, судя по всему, то, что мы раскопали, – лишь верхушка айсберга. Встречайте – известная певица, заслуженная артистка страны, любимая миллионами исполнительница! Прошу приветствовать!

Повинуясь призыву, аудитория «дала шуму», который только усилился, стоило гостье выйти под камеры. Полная фигура, удачно упакованная в стройнящее темное платье, холеное, знакомое со шприцем косметолога лицо, уложенная волосок к волоску прическа, сочный узнаваемый голос и невероятный напор – эту даму знали все без исключения. Она картинно повертелась в разные стороны под аплодисменты, купаясь в народной любви, а потом подошла к деликатно поднявшемуся при ее появлении Рудольфу Карловичу и взяла его руку в свои ладони.

– Благодарю вас за смелость и достоинство. Я никогда не решилась бы предать гласности эту историю, если бы не ваш пример, – прочувствованно произнесла певица с не

свойственной ей почтительностью и, резко развернувшись, в два шага одолела дистанцию до соседнего дивана. Возвысившись над дочерью композитора, она вдруг разинула рот и заорала, как на базаре: – Что, думала, так и проживешь всю жизнь в иллюзиях о папочке – великом композиторе? Я тебе покажу «нелепые обвинения»! Все расскажу об этом старом развратнике, все!

С трудом взяв себя в руки и усевшись, певица окунулась в воспоминания. Ее речь сопровождалась хлесткими безжалостными эпитетами и пугающе-агрессивными гримасами. Ведущий своими вопросами умело направлял рассказ в нужное скандальное русло, стоя с таким видом, будто испытывает ни с чем не сравнимое блаженство.

История оказалась гаденькой и, увы, не такой уж редкой. Молоденькую, подающую надежды певицу из далекого городка направили на музыкальный фестиваль, жюри которого возглавлял «этот гнусный червь, непонятно с какой стати провозглашенный чуть ли не лучшим композитором страны». Когда талантливая девушка вышла в финал и ей уже прочили Гран-при, мэтр завлек ее в свой гостиничный номер под предлогом обсуждения итоговой композиции. Там и последовало недвусмысленное предложение...

– Представляете мои ужас и омерзение? Я – совсем еще ребенок, первая поездка без мамы, и тут такое! А ведь возносила его до небес, еще радовалась по глупости: такой творец, полубог с музыкального олимпа, хочет дать мне – мне,

простой девчонке! – совет по поводу репертуара, – с горечью ухмыльнулась певица. – Конечно, убежала, врезав ему хорошенько по яйц... ох, простите, трудно подобрать приличные слова... И проиграла конкурс. «Прокатили» в финале, без объяснения причин, словно и не было предыдущих двух дней восторженных отзывов. А потом меня будто не стало, на долгие семь лет. Одно слово этого монстра – и нет человека. Не принимали в институт, снимали с конкурсов, не приглашали участвовать в концертах. Иногда я сама начинала сомневаться, существую ли на самом деле. Оставил от меня пустое место – врагу такого не пожелаешь!

Дама потерянно уронила голову, словно эмоциональная речь высосала из нее все силы. Мы с Анькой молчали, сосредоточенно глядя в экран, притихла и впечатленная студия. Даже обычно не в меру активный ведущий держал паузу, осознавая неуместность любых комментариев. Наконец певица подняла глаза, теперь напоминавшие колодцы с темной водой, и тихо произнесла:

– Семь лет жизни... и из-за чего! Я никому не рассказывала об этом, даже маме, – мне было так стыдно! Это сейчас на каждом углу кричат про домогательства, а тогда... Другая жизнь, другое воспитание – вряд ли удалось бы оправдаться. Но мне все-таки повезло: пошла работать на завод в своем городке, там по счастливой случайности попала в ансамбль самодеятельности, меня снова стали выдвигать на конкурсы. Пришли иные времена, это чудовище уже не было таким все-

сильным. Начала петь романсы, народные песни, постепенно, как говорится, раскрутилась. Сейчас у меня есть все – публика, признание, концерты. Но иногда я думаю, насколько легче, продуктивнее, счастливее была бы моя жизнь – в первую очередь творческая – без этого ужасного случая...

Камера крупным планом выхватила лицо немолодой певицы. Она смотрела прямо на нас – молчаливо протестуя, негодуя, обвиняя человека, которого уже не было на этом свете. По щекам, оставляя бороздки в толстом слое телевизионного грима, струились слезы.

По экрану пробежали титры, а потом вдруг возникла надпись «Вместо послесловия». Перед нами предстали певица и Рудольф Карлович, о чем-то тихо беседующие после эфира и, похоже, не подозревающие, что их продолжают снимать. Наш дирижер явно утешал даму, которая то и дело прикладывала к глазам бумажный носовой платочек и что-то эмоционально говорила. Среди бессвязного бормотания вдруг четко прозвучал обрывок фразы: «есть и другие, я точно знаю, наши случаи – не единичные. Наверняка кто-то еще согласится обнародовать...»

Картинка сменилась, на экране опять возник ведущий, эмоционально замахавший руками:

– «Нет ничего тайного, что не стало бы явным», сегодня мы лишний раз убедились в этом. И, судя по всему, в этой истории рано ставить точку. Наши редакторы продолжают работу. Если вы попали в похожую ситуацию или стали жерт-

вой данного конкретного человека, звоните по телефону, указанному на экране. Пора на всю страну сказать «нет» харассменту и плагиату. «Ничего, кроме правды» – таков наш девиз. На этом – пока все. После нас – вечерние новости, не переключайтесь!

– Вот это да, – ошеломленно протянула Анька и потянулась к пульту, приглушая звук телевизора. – Рит, ты понимаешь, какой хайп поднялся? И в кои-то веки – совершенно справедливо! Офигеть, это же федеральный канал! Телевизионщики своего не упустят, скоро от славы этого «композитора» не останется и следа. А всю эту кашу заварила ты, серая кардинальша! Ну не молчи, скажи, наверняка обидно, что не поставила под статьей свою фамилию?

Нет, мне не было обидно. Напротив, я радовалась, что так и осталась «ноунеймом». Если честно, меня потрясли масштабы, которые приняла эта ситуация, хотя с моим талантом вляпываться в авантюры следовало ожидать чего-то подобного. «Хайп», «ящик», «харассмент» – все это было бесконечно далеко от моей заурядной, если не считать мелких досадных «приключений», жизни. Стоп... неужели я начинала сожалеть о том, что эта самая жизнь перестает быть заурядной?

Я вспомнила харизматичного Гения, патлатого богемного Алика, раздавленного унижением дирижера, худенькую Юлечку с искаженным восприятием собственного тела – и минутную слабость как рукой сняло. Ажиотаж и телепере-

дача ничего не изменили. Зло все так же подлежало осуждению, а справедливость по-прежнему стоило восстанавливать – и плевать, какими средствами. Мне все так же отчаянно требовалась поддержка. Но теперь у меня были люди, готовые эту поддержку оказать. Сообщество единомышленников, частью которого я стала. И нас ждали новые великие дела на благо клуба.

* * *

Креативность покинула мой обычно изобретательный разум – ничего не оставалось, как расписаться в этом на очередном нашем собрании. То ли все мои творческие силы ушли на статью об украденной мелодии, то ли ответственность «серой кардинальши» давила, но мне пока не удавалось подсказать решение очередной задачи.

Мила сегодня отсутствовала, и у дверей нас встречал один из громадных сотрудников службы безопасности. Я не могла точно сказать, видела ли этого парня прежде, – все эти медведеподобные охранники были на одно лицо. На вопросы о Миле Гений лишь отмахнулся: мол, ничего страшного, приболела, навещать не надо, скоро придет в норму.

Мне стало немного не по себе – обычно вежливый и предупредительный с остальными, к своей верной, беззаветно преданной помощнице он относился с нескрываемым пренебрежением. С другой стороны, я ощутила нечто вроде облег-

чения, ведь в присутствии Милы мне с самого первого дня было неловко за знаки внимания, исходящие в мой адрес ее боссом. Словно я в чем-то виновата!

А знаки эти были, пусть и малозаметные. Взять хотя бы сегодня... Мы долго ломали головы над тем, как помочь Юлечке. Чтобы думалось легче, Гений объявил перерыв и решил угостить нас каким-то нереально вкусным кофе, привезенным из-за границы благодарным клиентом. В другое время этим занялась бы Мила, но в ее отсутствие Гений попросил о помощи Аньку. Та зашла от радости и поспешила за психологом, который, уже выходя из зала, незаметно для нее улыбнулся и задорно подмигнул мне. Словно хотел сказать: «Конечно, я предпочел бы пообщаться с тобой, но потерплю немного твою болтливую подругу, чтобы не обижалась».

А этот «офигенный мужик» в самом деле был отличным психологом... Сейчас, когда наша группа постепенно сплывалась, он все явственнее становился лидером, который несет ответственность за каждого. Гений, казалось, был в курсе всех наших дел и безошибочно угадывал малейшие перемены в нашем настроении. А с женщинами по-прежнему держался так, что любая чувствовала его искренний интерес именно к своей персоне. Интересно, была ли у него подружка? Может быть, жена? И что связывало его с Милой?

Словно известный артист с толпой привлеченных его мужской харизмой поклонниц, следующий указаниям хитроумного менеджера, Гений упорно скрывал свою лич-

ную жизнь. Имидж этакого brutального отшельника, еще не встретившего «ту самую», очень ему подходил – и автоматически записывал каждую встречную барышню в толпу его визжащих от восторга «группиз». А еще будоражил не самые приличные фантазии – у нас-то с Анькой точно...

– Что это было? – прервал поток мыслей насмешливый голос Алика. – Ну, вот это...

И мой сосед так мастерски передразнил подмигивавшего Геня, что я подскочила на месте. Тот же еле заметный оттенок заносчивости, полное осознание собственной привлекательности и намек на то, что способны уразуметь и почувствовать лишь мы двое...

Ради всего святого, кто же этот Алик? Способный, но пока еще никому не известный актер? Ведь так похоже изобразить другого человека может лишь талантливый лицедей. Или... человек, молящийся на своего кумира и слепо копирующий все его жесты и слова. Мой богемный знакомый меньше всего напоминал фанатика – и уж точно не был ведомым. Хотя... положила руку на сердце, что я знала о фанатиках? Да и об Алике тоже? И снова мне подумалось о том, что передо мной – такой же приближенный к Гению сотрудник клуба, как Мила. Ах, о чем он говорит? Я совсем потеряла нить разговора...

– ...сплошной выпендрей. Наш злой Гений – тот еще нарцисс, – потешался между тем Алик. – Ты не можешь этого не замечать! Очаровал всех дам, а Мила и вовсе, похоже, го-

това за него убить. Как-то я видел щенка, который трусил по дорожке и все время оглядывался на хозяина, а в зубах нес свой же поводок. Вроде дали свободу, резвись на воле, гуляй – не хочу! Но страшно, да и кто ты сам по себе, без хозяина? Так и Мила, все время подсовывает «хозяину» свой поводок.

Похоже, в обойме у Алика было немало подобных образов. Любопытный способ мыслить: травить байки, начиная издалека, и распространять свои наблюдения на актуальные житейские ситуации. Но сейчас меня занимало совсем не это.

– «Злой». Ты не в первый раз называешь его так. Почему?

– А разве это не очевидно? – беззаботно развел руками Алик. – Как еще назвать человека, создавшего клуб, участники которого увлеченно придумывают планы мести и осуществляют их? Конечно, злой. И конечно, гений! Отыгрался на обидчике – и жить стало намного легче!

Я замерла, пораженная его словами. До этого момента мне и в голову не приходило, что в ситуации с дирижером наш коллективный разум – а большей частью, чего греха таить, мой разум – выдал довольно неплохой план возмездия. Не самый тщательно продуманный и мудрый, но логичный и, главное, работающий. Вся эта нынешняя шумиха, поднявшаяся в СМИ, стала одним из этапов банальной мести. Ладно, пусть не банальной, но мести же!

Фиалковые глаза Алика выжидающе смотрели на меня.

Совсем я запуталась... Синеокие харизматики, обиженные дирижеры, готовые на все поклонницы – все это следовало хорошенько обмозговать, причем в спокойной обстановке. А пока лучше ничем не выдавать своего смятения.

– Послушай-ка, Алик... – Я с вызовом скрестила руки на груди и лягнула первое, что пришло в голову: – Ты постоянно его поддразниваешь, развлекаешься тут за чужой счет. И при этом, как я понимаю, давно ходишь на собрания клуба. Зачем? Почему бы просто не перестать тратить время на то, что кажется тебе глупым и смешным?

Но Алик и не думал становиться серьезным.

– Да все просто. Во-первых, с недавних пор у меня появился особый повод здесь торчать... – Он многозначительно посмотрел на меня, а потом снова подмигнул в манере Гения.

Я не удержалась от смеха, хотя в этот момент больше всего мне хотелось запустить в весельчака чем-нибудь потяжелее. Нашел повод для шуток!

– А потом... у меня ведь тоже есть своя история. Пока я не готов откровенничать, но мне есть чему поучиться у нашего злого Гения. Может, я тоже хочу стать злым?

– Так ты учишься у него? – Кажется, наш разговор наконец-то повернул в серьезное русло.

– Да. Как у старшего... товарища, – хмыкнул Алик, не найдя лучшего определения. – Несмотря ни на что, он достоин уважения. У него сильный характер.

Ого, как неожиданно! «Несмотря ни на что» – о чем это он? Неужели Алику известно о Гении чуть больше, чем всем нам? Что-то неблагоприятное? И снова намек на какую-то загадку!

Я открыла было рот, чтобы по привычке обрушить на собеседника убийственно-прямой вопрос, но тут двери зала распахнулись. В проеме возникли заметно утомленный, с тоской в синих глазах Гений, державший кофейник, и сияющая как медный пятак Анька с подносом чашек. И попытки вывести Алика на откровенность пришлось отложить до лучших времен.

* * *

Кофеин действительно стимулировал нашу умственную деятельность. После перерыва наконец-то завязалось обсуждение, которое Гений умело направлял в нужное русло. Итак, перед нами стояла задача. Дано: три человека, две девушки и парень, бывшие одноклассники, травившие Юлю. Три переменные, представленные на экране интерактивной доски в виде листаемых Гением скринов страниц из соцсетей. Алгоритм решения: неизвестен. Метод решения: месть. Кстати, а почему снова месть?

Я всматривалась в снимки на экране – обычные, ничем не примечательные молодые люди. Щекастая, простецкого вида мать двоих детишек – и не сказать, что бывшая краса-

вица и звезда класса. Строгая девушка в деловом костюме, запечатленная в офисной обстановке. Парень в майке и шортах, горделиво стоящий у дымящегося мангала.

– Ну, с этой простушкой и так все понятно, – хохотнула Анька. – Нет, вы только не подумайте, ничего не имею против детишек и домохозяек. Но эта... Уже обабилась, скоро будет за центнер весить, да и дети какие-то зашуганные. И, кстати, мужа ни на одном фото нет. Юль, а тебе так важно именно отомстить? По-моему, жизнь уже отплатила ей сполна, так зачем стараться?

– Или та, вторая, – вдохновенно подхватила Жизель. – Вроде все чинно-благородно, и перед нами – успешная бизнесвумен. Но посмотрите, что за брови! В какой подворотне она их делала? А ногти? Такую длину давно не носят! Или сумка – явный фейк, у меня такая же, но настоящая, я-то вижу разницу! Заштатная девица, строящая из себя карьеристку.

– Знаю-знаю, – весело продолжил Гений, – сейчас вы обзовете оставшегося парня гопником и предложите Юлечке все забыть и отпустить, ведь жизнь обидчиков, несмотря на их молодость, уже заурядна и катится по наклонной. Только вся штука в том, что они об этом и не подозревают. Таковы люди – любые события пропускают через себя, на все смотрят своими глазами. Эти – вполне, по-моему, довольны собственным существованием. Сильно сомневаюсь, что кто-то из них хотя бы на долю секунды вспомнит о своем поведе-

нии и устыдится. А Юлечка обречена терзаться их гадкими словами каждый божий день – и это, по-вашему, справедливо?

Вопрос был из разряда риторических, и все присутствующие вряд ли стали бы отстаивать иное мнение. Но я, положив руку на сердце, никак не могла понять, чем поможет бедняжке наказание обидчиков. Гению, как психологу, стоило поработать с ней, научить воспринимать себя с достоинством, уверенно. Впереди у нее – вся жизнь, мало ли что еще приключится... И что теперь – на слова каждого мелкого пакостника реагировать нервными расстройствами?

Похоже, чудодейственный кофе все же не помогал. Нам никак не удавалось уловить настроение самой Юлечки – она по-прежнему сидела спокойно, даже отстраненно, глядя прямо перед собой, будто и разговор-то касался не ее. Как же поддержать бедняжку? Да и нужна ли ей наша помощь? В душу уже вкрадывалось разочарование. То ли Гению не удалось профессионально «раскрутить» нашу героиню на откровения, то ли это окаянный Алик с его речами и – чего греха таить – привлекательностью напрочь отбил у меня желание фонтанировать идеями. Зато подкинул немного пугавшую мысль об истинной цели собраний клуба.

– Да, это несправедливо, – задумчиво протянула я, не успев вовремя прикусить язык. Вот так всегда: стоило в любой компании повиснуть гнетущей тишине, как меня неудержимо тянуло выскочить и развеять напряжение. – Но мы

ведь хотим помочь Юлечке. Разве не ради этого мы и собираемся – делиться переживаниями и, главное, поддерживать друг друга? Ей нужно самое искреннее участие – не месть.

– О, – злорадно, с каким-то странным удовольствием бросил Гений и устремил насмешливый взор на Алика, будто констатируя: «Понятно, откуда ветер дует». – Вот так незаметно разложение достигло наших рядов. Впрочем, мы до сих пор не знаем, чего хочет сама Юлечка. Да и ее историю мы рассматриваем весьма поверхностно. Пора исправить это упущение.

Гений подошел к Юлечке и пригласил ее подняться на сцену. Девочка покорно одолела пару ступенек и села на стул, тут же поднесенный невесть откуда взявшимся охранником. Она удобно откинулась на спинке и положила руки на колени – судя по отработанным до автоматизма жестам, этот сеанс был для нее не первым.

– Итак, Юлечка, давай для начала расслабимся. Закрой глаза, пусть тело отдыхает, позволь рукам и ногам обмякнуть. Вдыхай глубоко, ровно – и тут же выдыхай свое напряжение, прочувствуй, как ты избавляешься от него. Вот, хорошо. Как мы с тобой учились. Вдох-выдох, вдох-выдох.

Худенькая девушка на сцене старательно выполняла все команды, которые Гений давал мягким, утешающим, прямо-таки идеально подходящим ситуации голосом. Сейчас, когда глаза Юлечки были закрыты, я могла задержать на ней взгляд, не боясь проявить бестактность. Мне приходилось

слышать о ее недуге, и теперь, что греха таить, я искала во внешности Юлечки отпечаток такой, увы, распространенной сейчас болезни. И, к несчастью, находила. Болезненно заостренные коленки, ручки-палочки, резко очерченные, будто обтянутые кожей скулы, жидкие волосы-ниточки, ломкие ногти с облупившимся, не желавшим держаться на них лаком... Конечно, я не раз слышала, что словом убивают. Но, даже выбрав профессию, напрямую связанную со словами и их воздействием, никогда всерьез не верила, что нечто подобное возможно. Теперь же пример несчастной соратницы по клубу убеждал меня в обратном.

– Юлечка, ты ведь росла разумной девочкой, – по-доброму, словно к маленькой, обратился Гений. – Помнишь, ты рассказывала мне, как в детстве мечтала пойти в школу?

– Да, – спокойным, лишенным эмоций голосом отозвалась Юлечка.

– Как хотела подружиться с ребятами?

– Да.

– Как бабушка рассказывала тебе, что впереди – лучшие годы, полные самой искренней дружбы?

– Да.

Каждый такой вопрос, произнесенный ровным тоном, и каждое такое безучастное «Да» погружали в транс не только нашу героиню, но и всех вокруг. Мое сознание окутывало туманом, и я все пыталась ухватиться за упорно ускользающую мысль: Гений не делал ничего особенного, просто

задавал вопросы, но его харизма снова осязаемо заполняла собой все пространство. Только что перед нами стоял человек – неординарный и блестящего ума, но все же человек. И вдруг – ра-а-а-аз! – словно он незаметно переключил тумблер, и на сцене материализовалось существо высшего порядка, знающее наперед все и вся.

Еще с десятков новых «Да», рисовавших в воображении картину жизни дружелюбной домашней крошки с бантиками и бабушкиными пирогами. Наивные школьные надежды, первые попытки пообщаться с ребятами – и резкое, обидное прозвище в ответ. Толчки и смех, равнодушие недалеко, задавленной собственными проблемами учительницы, объявленный без причины бойкот, ненависть стаи озлобленных зверенышей, растянувшаяся на долгие годы... Конечно, у Юлечки были подруги – такие же «отверженные», как она. Но от того, что травля касалась не ее одной, легче не становилось. Вопрос о смене места учебы не стоял – бабушка вскоре умерла, родители работали и не могли провозить дочь на занятия, а до злополучной школы было рукой подать...

– Юлечка, помнишь, ты рассказывала мне о том случае, зимой, на горке? – Гений немного отошел от девушки и замер, сосредоточенно поглаживая подбородок.

– Да.

– Расскажем остальным?

– М-м-м... да.

– Вы катались на горке в каникулы, ты и твои однокласс-

ники. Было весело, они, казалось, подобрели.

– Да, так.

– И ты даже забыла об их поведении, решила их простить?

– Да.

– А потом вы все кубарем скатились вниз, барахтались в снегу, и ты в шутку стянула шапку с одного мальчика.

Даже теперь, когда мой убаюканный разум был не в силах работать хоть сколько-нибудь ясно, я уловила напряжение, вмиг сковавшее фигурку на сцене. Гений не сводил с Юлечки глаз, контролируя ее состояние. И я, искренне переживая за девочку и с волнением ожидая кульминации, верила психологу: он явно знал, что делал.

– И тогда он сказал... Юлечка, не бойся, повтори, что он сказал.

– Я... Я не помню.

– Не волнуйся, так нужно. Я – рядом. Здесь ты можешь не бояться. Он сказал...

– Не знаю...

– Знаешь. Дыши, как мы договаривались, вдох-выдох, вдох-выдох. Надо избавиться от напряжения. Так, умница... Вдох-выдох. Горка, зима, снег. Вы веселитесь.

– Да.

– Тебе кажется, что вы подружились.

– Да.

– И тут мальчик... Ты помнишь, что он сказал.

Последняя фраза прозвучала не вопросительно – утвер-

дительно. Юлечка задышала часто, словно что-то нестерпимо терзало ей грудь. Хрупкое тельце вдруг тряхнуло, словно освобождая из невидимых тисков, блеклые серые глаза распахнулись, а изо рта громко, с убийственным самоуничижением вырвалось:

– «Пошла вон, толстая корова!» Вот что он сказал, тот мальчик... Пошла. Вон. Толстая. Корова. Обо мне. Обо мне!!!

Юлечка зарыдала, да так, что ее фигурка, казалось, вот-вот переломится пополам. Гений бросился к девушке и раскрыл спасительные объятия, Анька помчалась на кухню за водой, Жизель принялась рыться в сумке в поисках успокоительного. Юлечка все рыдала и рыдала, и на какой-то момент мне даже показалось, будто у нее изнутри вырываются сидевшие там годами демоны.

– Я не понимаю, за что? Ведь я так хотела с ними дружить! Это был ад, ад! Я их боялась – привыкла бояться. А они... придумывали новое... каждый день... Ненавижу... ненавижу! Пусть они сдохнут! Все! И они, и их родители, и их дети! Всех ненавижу, всех!!! – бесновалась, трясясь и крича, Юлечка.

Я не верила своим глазам, столь велик был контраст между аморфным, безразличным ко всему подобием тени и этим неистовым, кипящим сгустком ненависти.

– Вот это фокус, просто обряд экзорцизма, – ошеломленно протянул рядом Алик. – Признаться, в первый раз такое

вижу. Нет, ну сколько дряни в людях, а? Я про этих зверенышей.

Мне оставалось лишь кивнуть. Пережитое на сегодняшнем собрании основательно истощило мои моральные силы. Я молча наблюдала, как Гений успокаивает Юлечку, как Жизель суетится вокруг нее со стаканом воды. Вспомнилось, как Анька втолковывала мне про то, что иногда важно пройти через травмирующее действие, чтобы освободиться от боли и обрести силы для новой жизни. Хотелось верить, что Юлечку ждало именно это.

Минут через десять все, включая нашу героиню, угомонились. Гений энергично подошел к электронному монитору и стукнул по нему пальцем. Перед нами предстала фотография: симпатичная девочка лет семи с милыми розовыми щечками и толстыми белокурыми косичками. Потребовалось включить все свое воображение, чтобы узнать в этом беззаботном ангелочке нынешнюю Юлю. Я застыла на месте: девочка выглядела немного пухленькой, но не более, это даже придавало ей прелести. Алик был прав, все-таки в людях зачастую сидит редкостная дрянь.

Гений снова стукнул пальцем, и перед нами предстала уже знакомая фотография парня с мангалом.

– Как вы, наверное, уже догадались, мальчик с горки. А те две девушки – из той самой «стаи». Верховодили в классе. И что удумали: подговорили этого парня, чтобы он оказывал Юле знаки внимания. Тот написал ей записку, она по на-

ивности ответила – и на следующий день бумажка висела на всеобщем обозрении. Потом была эта горка... Остальное, думаю, сами понимаете. Мы с Юлечкой много работаем и добились определенного прогресса, но этого недостаточно. Ваши идеи?

– Да морду ему набить, и дело с концом, – махнул рукой Алик, явив татуированное мускулистое предплечье. И великодушно предложил: – Могу устроить в лучшем виде. Повод всегда найдется.

– Скучно, друзья, – иронично протянул Гений. – Ну что это такое: «Набить морду»? Подумайте! Что больнее всего ранит человека? Марина?

– Когда попадают в слабое место, – высказалась Жизель, и Гений кивнул.

– Рудольф Карлович?

– Бессилие.

– В точку! Маргарита?

– Унижение.

– Верно. Алик?

– Согласен с Ритой. Унижение, особенно прилюдное, в присутствии значимого для тебя человека.

– Хорошо. Аня?

– Правда, – с непривычной глубиной и веско, будто ставя точку в дискуссии, произнесла подруга. – Ранит правда.

– Отлично. – Гений одарил нас улыбкой, явно довольный обсуждением. – В следующий раз поговорим об этом по-

дробнее. А пока давайте набросаем конкретный план по ситуации Юли.

– Ну... – заколебалась Жизель. – Я могла бы выяснить что-нибудь о той недокарьеристке. Очевидно, что для нее важна работа, а об этом я знаю все.

– Составлю вам компанию, – поддержала я. В этом не было особой необходимости, но ответственность «серой кардинальши» давила. – Обожаю раскапывать информацию.

– А я попробую пробить что-то об этой матери семейства, – подала голос веснушчатая бой-баба.

– Тогда я займусь тем парнем, – отважилась Анька. – Выясню, какая правда может ранить его.

– Прекрасно. На том и порешим. Выясняем информацию, все друг другу помогаем, – подвел итог собранию Гений. Работа с Юлечкой явно утомила его, но синие глаза горели азартом. – Спасибо, друзья, мы славно поработали! Еще кофе?

Глава 5

Я стояла на балконе своего любимого загородного дома. Ветерок доносил запах свежескошенной травы, за спиной легонько трепетали ситцевые занавески, а впереди, скользя лучами по черепичным крышам, уходило за горизонт солнце. Я стояла и вдыхала само лето с его ароматами спелой клубники, огурчиков с острыми пупырышками и терпких листьев смородины – и была счастлива от осознания того, что мой любимый сезон в разгаре, что я могу смотреть на этот закат, что завтра меня ждет новый безмятежный день...

Буря налетела невесть откуда. Мгновение назад в небе еще выводило закатные узоры солнце, но сейчас надо мной сгрудились тяжелые тучи, напоминавшие пропитанные темной водой губки. Еще миг – и пророкотал гром, небо осветилось, на землю хлынули потоки грязи. Мне хотелось бежать, но я стояла, будто пригвожденная к месту неведомым гипнозом, не в силах шевельнуть ногами, не в состоянии даже закричать и позвать на помощь...

А балкон под ногами уже разваливался. Пол ходил ходуном, от стен отлетали кирпичи, и в образовавшиеся выбоины мигом просвистывал штормовой ветер, расшатывая дом еще больше. Я знала, что будет в следующий момент, я прекрасно это знала! Самая длинная, выступающая наружу стена балкона закачалась, задрожала, будто беззащитный бумажный

лист, и я, вдруг обретая силы, бросилась вперед, вцепляясь в нее пальцами. Я удержу эту стену, я не позволю разрушить мой дом!

Но я лишь тщетно царапала по мокрым кирпичам, ломая ногти и стирая руки в кровь. Стена все больше отклонялась, готовая в любое мгновение упасть вниз и утянуть меня за собой...

Что-то пропищало, коротко и громко, и я открыла глаза, не понимая, где нахожусь. По щекам еще текли слезы, пальцы до боли сжимали простыню, а голова отчаянно кружилась. И снова этот писк, возвративший меня к реальности. Я еще немного полежала, с трудом приходя в себя, и потянулась за оставленным на тумбочке телефоном, вырвавшим меня из обычного кошмара.

Этот сон повторялся с незавидной регулярностью вот уже несколько месяцев. В разных вариациях, но это всегда был мой дом, который рассыпался, как картонная коробка. Я хваталась за отрывавшуюся стену, из последних сил пытаясь удержать ее на месте, но каждый раз опасно зависала над землей, рискуя в любой момент рухнуть вниз. При мысли о последствиях грозившего падения мне становилось плохо. А все потому, что один раз нечто подобное случилось наяву...

«Так работает подсознание, туда скидываются все твои переживания, а по ночам они выплывают наружу, – анализировала мои страдания Анька. – Это нормально. И от этого

можно избавиться».

Оптимистично звучит, только как? Многочисленные самокопания, душеспасительные беседы и тренинги не помогли. Впрочем, сегодня меня избавил от страданий какой-то неведомый герой – вкуче с рассеянностью, помешавшей привычно выключить на ночь звук телефона. Благодарю тебя, о неведомый спаситель!

Весь пафос моей признательности улетучился, стоило взглянуть на сообщение. Мало того что пришло оно от одного из самых приметных участников клуба, что сразу меня насторожило, так еще и отдавало непозволительной – особенно для постороннего человека – фривольностью. «Привет, куколка, – высветилось на экране. – Собираешься на очередное дело по велению нашего великого лидера? Как там будни новоиспеченной Маты Хари?»

Можно было обойтись без изучения фотографии в мессенджере, чтобы понять, кому вздумалось развлекаться за мой счет с утра пораньше. Хотя чего греха таить, на фото я «залипла» основательно. Нет, справедливости в этом мире все-таки не существует! Иначе как объяснить то, что все окружающие меня дамы разных возрастов, внешних данных и комплекций – да и я тоже – прикладывали колоссальные усилия, чтобы казаться хоть сколько-нибудь привлекательными, а этому остряку достаточно было просто оставаться самим собой! Хотя, возможно, у каждого в этой жизни своя миссия. Кому-то, без ложной скромности, дано случайной

статьей раздуть пресловутый хайп на всю страну, а у кого-то талант быть красивым. И... кого же он мне все-таки напоминает?

«Привет, Алик, – быстро набрала я ответ. – Странные у тебя понятия о куколках. А роль Маты Хари больше подошла бы тебе. Для Джеймса Бонда у тебя волосы длинноваты».

В конце сообщения я прилепила смайлик в надежде, что он не обидится на шутку о своей броской внешности и поддастся на провокацию. Захочет узнать, на что это я намекаю, когда пишу о шпионах применительно к нему. Ведь он – пожалуй, единственный из всех «присяжных» – не рвался обсуждать планы мести и тем более их реализовывать. Зачем тогда исправно являлся на каждое собрание клуба и сидел там, источая скепсис? По какой причине пытался отговорить меня писать ту статью? Что делал в коридоре, пока все толпились у выхода? И почему сейчас объявился с другого номера? Мила давно создала чат для нашей группы, где значились все телефоны. Но там был записан не этот номер... Что происходит?

Я потянулась в кровати и тут же встала, вспомнив, что сегодня, помимо работы, меня действительно ждало одно важное дело. Телефон между тем снова пискнул.

«Джеймс Бонд из меня тот еще, не спорю, – хвала Создателю, он не обиделся. Даже “подмигнул” мне смайликом. – Но с чего ты взяла, что я собираюсь за кем-то шпионить?»

Разве что тебе могу помочь...»

Ага, теперь, похоже, хотят что-то выведать у меня. Например, собираюсь ли я выполнять задание, на которое сама и напросилась. Видимо, мысль о том, что Алик – тайный сотрудник клуба, не так уж далека от истины. Как скучно и предсказуемо...

В голове крутилась глупая тавтология о том, что только такой гений, как наш Гений, мог «внедрить» в группу своего человека. И теперь этот человек негласно следит за тем, чтобы никто не выкидывал не санкционированные боссом фортели и не отбивался от коллектива. Впрочем... а был ли в этом смысл, если после парочки собраний мы сами бежали в клуб, воодушевленные нашим зарождавшимся единением?

«Помочь? Нет, спасибо, сама справлюсь. – Сейчас надо ответить осторожно, не выдавая ему свои нехитрые умозаключения. – А ты сильно смахиваешь на шпиона. Гения знаешь давно, о себе ничего не рассказываешь, только за нами наблюдаешь, словно тебя нарочно для этого и приставили».

Бац! Вот так всегда: решаю вести себя осмотрительно – и тут же что-нибудь ляпаю напрямую. Анька права, я – «танк в березках». Болтливый и неугомонный. Теперь-то Алик точно ничем себя не выдаст. А еще перескажет эту чепуху своему любимому боссу, и о моем желании выведать все тайны клуба можно будет благополучно забыть. Ко мне приставят одного из этих монстроподобных охранников, а то и вообще с позором исключат. Последняя перспектива привела ме-

ня в ужас – ого, а до сего момента я и не осознавала, насколько плотно клуб вошел в мою жизнь. Всего за какой-то месяц!

«Вот это фантазия! – Далее следовало несколько смайликов из серии “ржу, не могу”. – И женская логика: то гожусь в шпионы, то – нет. Ладно, если отказываешься от моей помощи, может быть, поужинаем сегодня?»

Судя по всему, над моей жизнью упорно довлел закон подлости: именно на этот вечер, сразу после работы, я наметила выполнение «разведывательной операции» в рамках помощи Юлечке. Отложить не могла – и так уже переносила до последнего, кляня себя за неуместную инициативу, и к завтрашнему собранию клуба должна была представить хоть какие-то результаты. О том, чтобы просто на все «забить», сославшись на отсутствие вдохновения, и речи не шло – я ведь обещала!

«Хорошо, надеюсь, в третий раз согласишься, – свеликодушничал в ответ на мои витиеватые извинения Алик. – Если все же изменишь планы – свистни!»

Увы, я не могла ничего изменить. Хотя именно этого мне сейчас хотелось больше всего на свете.

* * *

– Подождите, пожалуйста, сейчас я внесу ваши данные и оформлю карту, – дежурно улыбнулась сидевшая напротив блондинка и, поклацав когтистыми пальцами по клавиатуре,

устремилась сосредоточенный взгляд на монитор.

Пока девушка с серьезным видом забивала информацию, то и дело сверяясь с паспортом, я незаметно изучала ее. Ничего особенного, обычная сотрудница не самого известного банка – вежливая, предупредительная, навязчивая. Симпатичная, кстати: стройная, с красивым пшеничным цветом волос, гладкой, без единого изъяна, кожей. «Карьеристку» не портили даже крупноватый нос и резко очерченные, явно крашенные брови, к которым придралась Жизель.

В общем и целом впечатление об «обвиняемой» напоминало отзыв о каком-нибудь платье в интернет-магазине: на картинке – чинно-благородно, в жизни – вроде и ничего, но ткань дешевата, да и цвет блеклый. Так ей и надо, этой вульгарной подпевале, растоптавшей саму личность нашей Юлечки – просто так, из желания поразвлечься!

– А вы в нашем банке впервые? – прервала поток моих мыслей девушка. И в ответ на мой кивок стала деловито перечислять все преимущества сотрудничества именно с их финансовым учреждением. Старательно удерживая на лице подобие заинтересованной улыбки, я лихорадочно думала, на чем же можно поймать такую благополучную на первый взгляд барышню, – и не находила ничего.

Нанести визит в банк, постараться попасть именно к этой сотруднице, а потом хорошенько к ней приглядеться – такова была моя миссия на сегодня. Мы с Жизелью решили разделить усилия: она узнает о девушке по своим каналам,

я провожу нехитрое внешнее наблюдение. Попасть в банк я смогла ближе к окончанию рабочего дня, когда на месте были всего две специалистки, и оказаться у стола нужной мне сотрудницы труда не составило. Я хотела лишь задать пару невинных вопросов, но она вцепилась мертвой хваткой – и я сдалась, решив открыть абсолютно ненужную мне пластиковую карту.

– За отдельную плату можем подключить мобильный банк, будут приходить СМС-уведомления... – стрекотала девушка, на бейджике которой значилось имя «Наталья».

– Спасибо, не нужно.

– Почему? Это ведь так удобно, – не отставала она. – Кроме того, можно оформить автоплатеж. Вы забудете о такой проблеме, как пополнение баланса телефона. Вы ведь современный человек, надо пользоваться всеми достижениями...

Тоже мне, «проблема»! Иногда мне кажется, что в этих банках сидят «психологи» почище моей Аньки. «Современный человек», ха! Втолковывает так снисходительно, будто я – дикарка из варварского племени, до которой еще не дошли блага цивилизации.

– И, кстати, вам автоматически одобрен кредит, можем оформить прямо сейчас. Всего два миллиона, не заметите потом, как отдадите. Много времени это не займет. Приступим? – осветилось надеждой лицо Натальи. Она потянулась за моим отложенным было паспортом, и я отчаянно замахала руками, спеша отказаться. На фоне энтузиазма нашей «об-

виняемой» сотрудники других банков, с которыми мне приходилось иметь дело, казались ангелами во плоти. По крайней мере, они понимали мое «Нет» раза с третьего-четвертого – согласитесь, уже прогресс.

Наталья укоризненно покачала головой, давая понять, как она во мне разочарована. В самом деле, ну что я за человек, могла хотя бы миллионный кредит взять, что мне, жалко?

Вцепившись в паспорт, я следила за напряженной работой мысли на лице девушки, так и не сумевшей придумать, на что бы еще меня развести. И тут стеклянная дверь небольшого банковского кабинета распахнулась, и на пороге возник подтянутый молодцеватый мужчина.

– Наташ, ты скоро? – по-свойски бросил он и осекся, увидев меня. – Добрый вечер. Извините, я думал, все клиенты уже ушли.

– Это вы меня извините, – с фальшивой прочувзованностью произнесла я, ухватившись за шанс наконец-то вырваться из наманикюренных лапок Карьеристки. – Смогла попасть к вам только под закрытие и уже готовлюсь уходить.

– Ничего страшного, ваше удобство для нас – превыше всего. – Мужчина расплылся в обворожительной улыбке босса мелкого заведения, готового на все, лишь бы удержать очередного клиента. Судя по покровительственному тону, деловому костюму и красивому бейджику, он и правда был каким-то начальником.

Я поспешила забрать карту и запрятать подальше свой драгоценный паспорт. Что ж, Маты Хари из меня не вышло: я не узнала ничего путного. Подумать только, ради этой «операции» я пожертвовала вечером в компании такого красавчика – теперь он точно больше никуда меня не позовет! И ладно бы выяснила хоть что-нибудь, натолкнулась бы на искорку информации, из которой наша компетентная в вопросах карьеры Жизель высекла бы целое пламя! Так нет же! Хотя...

На пороге стеклянного кабинета уже уходивший мужчина вдруг помедлил и обменялся с Натальей красноречивыми взглядами. Могу поклясться, мне удалось уловить суть их молчаливого диалога. Что-то вроде:

– Ты скоро? Устал ждать, договорились ведь!

– Еще немного, прости. Сейчас отделаюсь от этой бестолковой девицы.

Возможно, это снова разыгралась моя неумная фантазия, но кажется, я нашла кое-какую зацепку. Все-таки Гений прав, мне надо сочинять романы! Сюжет сложился мгновенно: начинающая карьеристка – профессиональные перспективы – служебный роман с начальником – крах всех надежд. Последний этап представлялся мне весьма размыто, но это уже забота Жизели...

Мужчина ушел, а я принялась торопливо прощаться. Но преданная своему делу Наталья лишь рассеянно кивала, явно решая, что бы еще такое «нужное и выгодное» попы-

таться мне впарить. Наконец ее лицо просияло.

– Совсем забыла, мы ведь можем оформить вам страховку. Только представьте, вот вы сломаете руку... или ногу... – мечтательно протянула она, и я поняла, что придется чем-то пожертвовать, иначе живой отсюда не выйду.

– Оформляйте СМС-оповещение, – махнула рукой я, выбирая меньшее из зол...

Экзекуция уговорами и бумажной волокитой закончилась уже глубоким вечером. Наконец-то вырвавшись на свободу, я с наслаждением подставила лицо под теплый весенний ветер. В этот самый момент я могла сидеть в какой-нибудь уютной забегаловке и смеяться шуткам Алика. Или проводить время еще интереснее – и тоже с ним. Я представила парочку вариантов – уфф, прямо дух захватило!

Увы, все вышло иначе. Но, несмотря на владевшую мной досаду, я не могла не признать, что «операция» дала кое-какую пищу для размышлений. Что ж, подведем итоги. Во-первых, обидчица нашей Юлечки действительно патологически предана работе. Во-вторых, Наталью что-то связывает с ее начальником, как минимум – флирт. На рабочем месте, ага. И, в-третьих, Карьеристка – самая обыкновенная дура, и изменить это не в силах никакие ухоженные брови.

* * *

– Рита оказалась права, – констатировала Жизель, и ее

глаза зажглись чем-то вроде восхищения. Нечто подобное, хотя и градусом выше, озаряло ее взор при упоминании о Гении. – Эта Наталья на самом деле крутит шашни с начальником. Узнала через знакомых. Помните теорию шести рукопожатий? С моими связями не составило труда выйти на сотрудников ее банка. Кто-то что-то видел, кто-то что-то слышал, кто-то кому-то рассказал... И знаете, что интересно?

Жизель помедлила, открывая свой дорогуший блокнот, и все мы замерли в ожидании. Очередное собрание клуба проходило на удивление продуктивно. От прежнего словоблудия не осталось и следа, мы сразу перешли к делу – похоже, начинали проникаться идеями нашего руководителя о справедливости и взаимопомощи. Сам Гений привычно стоял перед нами, на сей раз – в джинсах и белой рубашке, немного распахнутой на мускулистой груди, – и являл собой воплощенную харизму. Но рядом со мной сидел Алик во всем блеске своей небрежной сексуальности, и я не знала, на кого смотреть...

– Начальник старше нее чуть ли не вдвое, обычная история, у него – семья, дети. Но в этом на первый взгляд нет никакого криминала, верно? Все мы не без греха... Но вы ни за что не угадаете, в чем пикантность ситуации, – упорно держала интригу Жизель. Похоже, она выяснила нечто из ряда вон выходящее, раз смаковала каждое слово и наше напряженное ожидание. – Он-то – обычный мелкий начальничек. А кто руководит всем банком? Вы не поверите – его жена!!!

Вот это да, нарочно не придумаешь... Сколько же в жизни нелепых случайностей и роковых совпадений! Хотя о чем это я, какие совпадения? Наталья не могла не знать всех деталей ситуации. В хладнокровии ей, конечно, не откажешь. И в глупости – тоже.

– Марина, потрясающе, выше всяких похвал! Марго – нет слов, вот уже второй раз твой блестящий разум подбрасывает нам ценные идеи. Теперь достаточно одного слова – и нет Карьеристики. – Глаза Геня запылали синим огнем, губы вздернулись в усмешке, а ноздри зловеще раздулись.

Я в который раз невольно залюбовалась нашим лидером, источавшим столь явную харизму, что она, казалось, заполняла все в радиусе нескольких метров. Чистая мужская энергетика, чистая безусловная сила, чистый секс...

– Рита, закрой рот, – насмешливо донеслось справа, заставив меня вздрогнуть от неожиданности. – Ума не приложу, что вы все в нем нашли! Обыкновенный пижон. Зачем так откровенно им любоваться?

Обыкновенный? А вот и нет! Мне еще не доводилось видеть людей, способных гипнотизировать одним своим видом. Впрочем, справедливости ради стоит заметить, что сидевший рядом парень затмевал его привлекательностью.

– Хорошо, Алик, я буду любоваться тобой. – Я развернулась к своему соседу, сложила руки на груди и с вызовом уставилась на него. Тот довольно засмеялся и стал картинно вертеться во все стороны, демонстрируя, что тоже достоин

внимания.

– Мы вам не мешаем? – одернула Жизель, отвлекшись на наши шуточки от созерцания удостоившего ее долгожданной похвалы кумира. Судя по тому, что Марину буквально трясло от нетерпения, поток ценной информации еще не иссяк. – Итак, возвращаясь к Карьеристке... Не выношу таких наглых девиц, без зазрения совести влезających в чужие отношения! Вам не кажется, что «замолвить словечко» жене ее любовника – слишком простой путь? Разумеется, сделать это нужно, но зачем ограничиваться полумерами?

– Так-так, отрадно слышать, что у вас появляются новые идеи, – подбодрил Гений, воззрившись на Жизель с такой надеждой, словно от нее зависело спасение человечества от апокалипсиса. – Не зря я связывал с вашей группой такие ожидания! Одна из основных идей существования клуба – действенная, креативная помощь, и мне приятно, что вы настолько неравнодушны друг к другу. Марина, продолжайте, прошу вас!

– Как вы знаете, я – не последний человек у себя на работе. – Жизель качнула полной ножкой в туфельке с любимым монограммным узором на каблуке. – Когда Карьеристка вылетит из банка – а это наверняка произойдет в самое ближайшее время, – я могу взять ее к себе. Хорошенько помучить и выгнать с такой рекомендацией, что ни одна приличная фирма не пустит ее потом на порог!

Все дружно замолчали, оценивая перспективы плана ме-

сти. Что ж, наверное, так будет справедливо – девица, обижавшая нашу Юлечку, получит сокрушительный удар по самой важной для нее сфере жизни. Даже два удара: сначала лишится работы, потом – всех профессиональных перспектив. Нет, погодите-ка, что-то меня смущает в этой арифметике...

Газета, в которой я когда-то работала, часто публиковала юридические материалы, и кое-какие термины задержались в моей голове. Стоило мне подумать о двух карах за один проступок, как в памяти всплыли словосочетания «соразмерность ответственности совершенному деянию», «принцип разумности при назначении наказания», «главенство справедливости»... И, естественно, не дав Гению толком потереть руки в восторге от предложения Жизели, я по привычке не успела сдержаться и выскочила с мнением.

– «Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление», – процитировала я по памяти, вскинув для убедительности указательный палец. – Статья Конституции, между прочим. Мы отстаиваем справедливость, господа присяжные, верно? Согласна, иногда сложно забыть-простить-переступить, и тогда нужно бороться. Но сравнивать счет в конфликте, показав обидчику, что ты – сильная личность, и банально осыпать его изощренными карами – две большие разницы.

Алик рядом одобрительно хмыкнул, а Гений устремил на меня полный укоризны взор. Кажется, я немного разоча-

ровала нашего лидера.

– Любопытно, что именно ты завела этот разговор, Рита, – вкрадчиво заметил он, с особой иронией произнося сокращенную версию моего имени. Вот так из «роковой женщины» и «блестящего разума» меня вмиг разжаловали до «милого, розовощекого...» – далее по тексту – создания. – Смотри не потеряй совсем свою хорошенькую голову!

Метнув насмешливый взгляд в сторону Алика, Гений по привычке на секунду погрузился в раздумья и тут же оживился, видимо, найдя нужный подход к «бунтарке».

– Марго, почему бы тебе не поделиться с нами некоторыми деталями своей истории?

Ага, значит, все-таки «Марго»! Отрадно слышать. Но даже это не заставит меня выворачивать душу наизнанку теперь, когда я совершенно к этому не готова.

– Извини, но... нет. Не сейчас. Мне нужно время. Острый момент не прошел, еще начну плакать... Позорище...

– Я не прошу тебя рассказывать все, если тяжело, – не унился Гений.

Вот так всегда: видимо, я слишком мягко отказываю, если окружающие слышат в моих словах что угодно, только не заветное «Нет».

– Озвучим кое-какие моменты.

– Ну... не знаю...

– Отстань от нее! Тебе ведь ясно сказали: еще не время. – Это, разумеется, встрял Алик.

Гений пренебрежительно поморщился, словно у него в ухе пискнул настырный комар, и, не удостоив ответом моего товарища по «бунту», деловито предложил:

– Давай просто поговорим о том, что ты сейчас испытываешь. К каким последствиям привело оскорбление, которое тебе нанесли. Просто перечисли, что тебя мучает.

– Ничего необычного, с чем-то подобным наверняка сталкивается каждый, – сдалась я, осознав, что никакой травмирующей душу откровенности от меня не требуется. – Навязчивые мысли, слезы, ночные кошмары... Иногда от переживаний мне бывает физически плохо. Голова кружится, сердце бьется. Случается, впадаю в апатию. Или, наоборот, хочется крушить все вокруг. Особенно тяжело под вечер, нередко нападает такое состояние, будто что-то вот-вот случится. Что именно – понять не могу, но хочется бежать куда глаза глядят. И засыпать бывает страшно...

– Хорошо, продолжим, – мягко отозвался Гений, красноречиво-властным взглядом усмиряя очередной протест открывшего было рот Алика. – А как, по-твоему, почему этих неприятных реакций так много? И почему в ряде случаев они разные?

– Вспоминается то одно, то другое, вот и реагируешь по-разному. Если честно, мучаюсь оттого, что не могу управлять собственными мыслями. Я хочу, очень хочу стереть все из памяти, начать с чистого листа, ведь уже ничего не изменишь! Но вместо того, чтобы забыть, буквально смакую каж-

дое мелкое унижение, как мазохистка...

Я осеклась, осознав, куда клонит Гений. Из множества деталей складывается целая картина нанесенного мне оскорбления. Одно большое «преступление» включает тьму-тьмушую унижений, крохотных и не очень. И за каждое из них вполне справедливо взыскать с обидчика по полной программе. Логично. Или все-таки нет? Я совсем запуталась...

Видимо, сомнение явственно отразилось на моем лице, потому что Гений удовлетворенно кивнул.

– «Преступлений» много, последствий много – значит, одного наказания недостаточно. Это справедливо, – констатировал он и, не давая мне опомниться, спросил: – Но это ведь еще не все последствия, да, Маргарита? Я не буду озвучивать, что ты отмечала в тесте, но может быть, тебе захочется обсудить это со всеми? Ты здесь, чтобы получить помощь профессионалов и единомышленников. Не нужно стесняться.

Я поняла, что он имеет в виду. В тесте значилось что-то невнятное про боязнь высоты и открытых пространств, и я поставила у этих пунктов вопросы – в надежде, что смогу обговорить свое дискомфортное состояние с психологом. Меня не мучили какие-то особенно страшные фобии, но обычное неприятное ощущение, возникавшее на непривычной высоте, с годами стало обостряться. А с недавних пор появились эти сны, где мне всякий раз грозило неминуемое падение...

– Тоже ничего особенного, вдруг стало страшно стоять где-то высоко, особенно если пространство не огорожено. Боюсь, что меня случайно утянет вниз. Кажется, нечто подобное испытывают все люди. И мне часто снится, что я начинаю падать, один и тот же сон в разных вариациях.

– «Вдруг стало страшно...» – эхом повторил Геней. – Маргарита, положи руку на сердце, – ведь не «вдруг»? Что спровоцировало ночные кошмары и этот страх.

Он был прав – как обычно. Ничего не происходит «вдруг», даже если мы сами с собой договорились считать именно так. Это случилось давно, семнадцать лет назад...

* * *

– Лена, Рита, ужинать! – выглянула с террасы во двор мама, помахав половником. – Девочки, поторопитесь, вас все ждут. Мойте руки – и за стол!

Обычно, когда во время летних каникул меня сажали «пообщаться с Леной», я только и ждала маминой команды, чтобы поскорее отделаться от неприятной компании. И почему каждый раз взрослые навязывали эту миссию именно мне? Наверное, считали, что я, болтушка с бандой дачных друзей-приятелей, сумею растормошить угрюмую девицу, по нелепой случайности пришедшуюся мне... кем-то вроде тети.

Ума не приложу, что изменилось на этот раз, но традици-

онная пытка общением вдруг обернулась откровенным разговором. Мы неожиданно нашли точку соприкосновения: через пару лет обеим предстояло оканчивать школу, и обе уже сейчас задумывались над будущей профессией. Лена терялась в догадках, не ощущая пока особой тяги ни к одной профессиональной стезе, я же успела все для себя решить.

– Знаешь, я с детства любила сочинять рассказы. А еще брала кипу старой макулатуры, вырезала картинки, «издавала» свой журнал. И готова была отдать все за талант красиво рисовать, чтобы иллюстрировать написанное. Но рисовать я не умею до сих пор, а сочинения мои в школе хвалят, – без ложной скромности сообщила я.

– Везет тебе... А я до сих пор не знаю, в какую сферу податься. Мама ругается, пора уже решать с репетиторами и профессией, а у меня в голове пусто.

Не знаю, что тронуло меня больше – потерянный вид девочки или упоминание о ее вечно готовой обрушиться с руганью матери, – но я взяла Лену за руку и подвела к своим любимым деревянным качелям.

– Только не смейся. – Я уселась на качелях и подвинулась, великодушно оставляя место своей почти уже подружке. – Для меня эти качели – волшебные. Здесь хорошо мечтать. Фантазируешь о чем-то, и решение приходит само собой. Давай попробуем, вдруг и тебе поможет?

Лена вдруг замолчала, потом как-то странно хмыкнула и вместо того, чтобы сесть рядом, забралась на качели с но-

гами. Увы, я слишком поздно поняла свою ошибку: не стоит рассчитывать на деликатность и глубину восприятия там, где этого нет и в помине. Забраться на «мои» качели с ногами – до этого надо было додуматься!

А потом она стала раскачиваться, приседая и выпрямляясь... Я, лишенная возможности держаться за веревки с обеих сторон, судорожно вцепилась пальцами в ту, что была у меня сбоку. Сердце обрывалось от страха, мне казалось, что я вот-вот слечу, и оставалось лишь умолять Лену остановиться... Но она только все громче хохотала, наслаждаясь моим унижением. Я молила, уже плакала, я чувствовала, что не выдержу... В тот момент мне требовалось сделать что угодно, лишь бы прекратить эту пытку. Что угодно, лишь бы почувствовать под ногами твердую землю. Я и сделала, в панике сорвавшись вниз. Следующее, что я ощутила, – острая, будто рассекающая руку боль...

* * *

– Я хорошо помню эту историю. – На меня сочувственно воззрились зеленовато-рыжие глаза Аньки. – Начало учебного года, нагрузка – будь здоров, а у тебя – рука в гипсе, причем правая! Твои родители тогда так переживали... Мы всем классом помогали тебе надевать куртку.

– Верно, – кивнула я подруге. – Один полет с качелей – и перелом запястья со смещением. Гипс, потом физиотера-

пия, прогревания... Долгая была история.

– А что же эта Лена? – пискнула с первого ряда Юлечка. – Ей хотя бы всыпали хорошенько?

– Нет. Момент падения никто не видел. После она подлетела ко мне, стала суетиться, из дома выскочила моя мама. Рука пухла на глазах, меня забрали в больницу – нам было не до разбирательств. А вечером, когда меня привезли обратно, Лена подошла и заявила, что ни в чем не виновата и спрыгнула я сама. Что мне было делать? – Вздохнув, я развела руками. – Формально она была права. Жаловаться – стыдно. И, если честно, мне почему-то стало легче от осознания того, что это – исключительно моя вина. Это снизило градус унижения.

– Все понятно, – с видом знатока кивнула Анька. – И это тоже – стокгольмский синдром.

– Перестань уже, надоело! – с неожиданной злобой заткнул ее Алик и, потянувшись ко мне, мягко обвинил длинными пальцами мое правое запястье. – Здесь?

– Угу. Но все уже в порядке, дело давнее. Я не люблю вспоминать об этом. Неприятно, да и... Что говорить, сама дура. Не надо было доверять ей. И отмалчиваться потом.

Гений прошелся вдоль рядов, задумчиво соединив кончики пальцев.

– Спасибо за откровенность, Маргарита. И остальным – за участие. – Последнее ироничное замечание, видимо, предназначалось Алику. – Но и это ведь еще не все, верно?

С тех пор и развились эти неприятные ощущения на высоте?
– Трудно сказать... После этого я уже с опаской подходила к качелям и в лучшем случае просто сидела на них, не раскачиваясь. Легкий дискомфорт на большой высоте ощущался всегда, как, наверное, у многих людей. – Я отвечала с удивительным хладнокровием, хотя долгие годы упорно пыталась стереть из памяти тот случай. – Как-то за границей меня не могли затащить на стеклянную смотровую площадку – но это ведь нормально, правда? А потом, уже дома, я попыталась посмотреть с лоджии салют, раздвинув окна, – и спешно убежала в комнату. Но это все такая ерунда! Страх появился совсем недавно, во сне, после всех этих скандалов... Словно нынешнее унижение напомнило о том, прежнем... Но это уже другая история, я пока не готова рассказывать.

– Прекрасно, Маргарита. Мы обязательно еще поработаем с твоим страхом, и наше обсуждение стало первым важным шагом в этом направлении, – мягко кивнул Гений, давая понять, что для меня порция откровений на сегодня закончилась. – Итак, мы убедились, каким многоликим и разрушительным может быть унижение. Осознали, что каждый такой случай соткан из множества мелких – но оттого не менее ранящих – обид. Кроме того, мы наметили конкретные шаги по делу Юлечки. Остались еще два ее обидчика... Аня, что-то удалось узнать о парне?

По тому, какую жалостливую гримаску соорудила подруга, я поняла, что сейчас нас ждет мини-спектакль. Я обожала

Аньку, но знала ее со всеми недостатками, от и до. Видимо, подругу искренне обидела грубость Алика. И еще больше – то, что сегодня Гений, этот «офигенный мужик», уделил мне непозволительно много внимания. Ничего не поделаешь – девочки всегда соперничают между собой. Даже если дружат давным-давно и успели стать почти сестрами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.